

ИГОРЬ ЕФИМОВ

СВЕТЛЯКИ

ИРОНИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА

ДРУГИЕ КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- «Смотрите, кто пришел!» (Роман. Ленинград, 1965)
- «Таврический сад» (Повесть. Ленинград, 1966)
- «Зрелища» (Роман. Самиздат, 1967)
- «Лаборантка» (Повесть и рассказы. Ленинград, 1975)
- «Свергнуть всякое иго» (Роман. Москва, 1977)
- «Метаполитика» (Философия истории. Мичиган, 1978)
- «Без буржуев» (О советской экономике. Франкфурт, 1979)
- «Практическая метафизика» (Философская система. Энн Арбор, 1980)
- «Как одна плоть» (Роман. Энн Арбор, 1981)
- «Архивы Страшного суда» (Роман. Энн Арбор, 1982)
- «Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущев» (Историко-документальное исследование. Тенафлай, 1987)
- «Седьмая жена» (Роман. Тенафлай, 1990)

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:

- Our choice and history* (New York, 1985)
- The Judgment Day archives* (San Francisco, 1988)

ИГОРЬ ЕФИМОВ

СВЕТЛЯКИ

ИРОНИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА

ЭРМИТАЖ

1991

Игорь Ефимов

СВЕТЛЯКИ
Ироническая метафизика

Igor Efimov

SVETLIAKI
Ironicheskaia metafizika

Copyright © 1991 by Igor Yefimov

All rights reserved

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Efimov, Igor' Markovich.

Svetliaki : ironicheskaia metafizika / Igor' Efimov.

p. cm.

Includes index.

Romanized record.

ISBN 1-55779-041 : \$8.00

1. Philosophy--Miscellanea. 2. Literature--Miscellanea.

I. Title.

B68.E33 1991

91-11620

CIP

A sketch by A. J. Frost is used for cover design

Published by Hermitage Publishers
P. O. Box 410
Tenaflly, N. J. 07670, U.S.A.

Предисловие автора

Есть люди, которые не любят поэзию. Есть люди, которые не ходят в театр. Есть люди, лишенные всякого вкуса к живописи. Есть совершенно равнодушные к балету.

Но, как это ни парадоксально, нет людей равнодушных к философии.

Философия нужна каждому как дом души. Это может быть просторный и удобный дом, может быть лачуга, изба, шалаш, пещера. Нашему телу необходимо убежище, в котором можно укрыться от ветра, снега, дождя, холода, палящего солнца. Точно так же и нашей душе нужно какое-то укрытие от леденящих вопросов, обжигающих страхов, пронзительных сомнений, изматывающих противоречий, ослепляющих видений.

Философия не может быть универсальной, одинаковой для всех. Даже четыре главных вопроса бытия — что есть мир? что есть я? что я должен? на что могу надеяться? — звучат в разных людях с разной силой. Поэтому кто-то больше всего озабочен загадками мироздания, кто-то вслушивается в мир своих чувств, кто-то «ищет грань меж добром и злом», кто-то думает только о спасении души. Но не нужно при этом забывать, что вдобавок к четырем главным, в душе каждого человека звучат сотни других вопросов. И он ищет, ищет такое жильё, в котором можно было бы хоть не надолго укрыться от этого вечного сквозняка — обрести душевный покой.

На знаменитые философские системы люди часто смотрят с той же смесью любопытства, почтения и равнодушия, с какой приезжающие в город селяне смотрят на дворцы и музеи: великолепно, заманчиво, красиво, но квартиру там снять нельзя — а, значит, не очень интересно. Да и у кого в наш занятый, суматошный век хватит сил обследовать гигантские постройки, создававшиеся великими умами? Сборный домик из щитов, из отштампованных панелей, из готовых деталей — вот за чем гоняется большинство наших современников.

И я тоже в молодости рад был бы удовлетвориться таким домиком. Я был нетребователен, легко мирился с логическими неудобствами, наплевательски относился к эстетической отделке. Душа была так увлечена жизнью, что согласилась бы жить в любой философской мебелирашке. Но ничего не находилось. Где ни поселишься — стены тонки, материалистическая фанера не защищает ни от холода, ни от зноя, дует во

все щели так, что не только карточный домик не построить — ложку не донести до рта.

И тогда я понял, что придется строить самому.

Дело не в том, что я вообразил себя великих философов прошлого. Дело в том, что 20-й век обрушил на нас такие вопросы, которые перед ними даже не стояли. Или настолько усложнил данные для решения старых вопросов, что возникла необходимость в новых ответах. Наука буквально взорвала изнутри все старые ответы на вопрос «что есть мир?». История и литература зачеркнули добрую половину ответов на вопрос «что есть человек?». Естественно, зашатались все прежние представления о правде, красоте, справедливости и вере.

Когда, после прочтения доброй сотни философских книг, у меня возникло несколько идей, ставших опорными сваями, фундаментом для «практической метафизики», я был уверен, что изобретаю велосипед. Идеи казались такими очевидными, что наверняка кто-то должен был додуматься до них раньше меня. Или додумается вот-вот, пока я пишу свою книгу. *Наша воля, наша душа хочет лишь одного — расширения границы своей свободы, своего царства я-могу, и радость, удовольствие, испытываемые нами, есть всегда знак такого расширения, а боль, страдание — всегда знак сужения свободы.* Ну что могло быть проще подобной формулы?

Двадцать лет спустя я уже не думаю, что эта мысль так легко может быть усвоена человеческим сознанием. Хотя я получил довольно много одобрительных и даже несколько восторженно-благодарных отзывов на книгу «Практическая метафизика», число их оказалось гораздо меньше того, на что надеялось авторское тщеславие. Кроме всего прочего, книга слишком толста — в трамвае ее не прочтешь, в очереди не раскроешь. Возможно, я слишком много места уделил полемике с другими философскими системами, так что защита от них превратилась в прочную скорлупу, из-за которой читателю так же нелегко добраться до нужного ему содержания, как нелегко бывает добыть кусочек мяса из клешни краба.

Тем не менее я по-прежнему лущу себя надеждой, что идеи, собранные в «Практической метафизике», могут пригодиться моему современнику при сооружении пристанища для души. И я верю, что ему обязательно прочитывать трехсотстраничный том целиком. Как в магазине готовых стройматериалов человек покупает лишь недостающие кусочки для своего дома, так и здесь он может выбрать лишь несколько постулатов из моих теорий, которые придутся ему как раз впору, помогут пустить

больше света в жильё или заглянуть подальше в окружающий мир.

Мысли, приходившие мне в голову в процессе работы над философскими книгами, обычно были тесно связаны друг с другом и требовали последовательного изложения. Но некоторые вдруг отлетали в сторону и обретали самостоятельную жизнь, держась — чаще всего — на крылышках иронии. Их-то я и решил собрать под одной обложкой в сборнике «Светляки».

Жанр короткого эссе, афоризма не очень популярен в русской литературе. Всё же можно привести несколько примеров книг, завоевавших известность в XX веке: «Опавшие листья» Розанова, «Записные книжки» Ильфа, «Ни дня без строки» Олеси, «Голос из хора» Синявского, «Ненаучные мысли» Михайло Михайлова, «Соло на ундервуде» Довлатова. Некоторые из этих авторов располагали афоризмы без всякой системы, другие разбивали их по темам. Я решил расположить своих «светляков» таким образом, чтобы их рой воспроизвел силуэт моего «дома». Оглавление этой книги почти полностью воспроизводит оглавление «Практической метафизики». Лишь заключительная часть стоит особняком (приложение? пристройка?) и посвящена главным образом мыслям или ироническим замечаниям о литературе — классической и современной.

Предвижу — и не возражаю, — что у «Иронической метафизики» будет больше читателей, чем у «Практической». Но если при этом хоть одного из них мои «светляки» заманят в чудесный мир философии, в котором посчастливилось побывать мне, я буду считать, что публикация этого сборника была не только забавой.

Рой первый

МИРОПОСТИЖЕНИЕ

1-1. ЧИСТЫЙ РАЗУМ

1-1.1 Материалисты никогда не согласятся распространить столь дорогой им закон единства и борьбы противоположностей на такие две вещи, как вера и знание. Ведь в этом случае вера получила бы плацкартное место в материализме, и изгнать ее оттуда было бы невозможно.

1-1.2 У термитов в желудке обитают какие-то жгутиковые микробы, которые и питаются поступающей клетчаткой, делают ее усвояемой для самих термитов. Так спрашивается — кто из них для кого ест дерево? Хороший пример на причинно-следственную антиномию сознания.

1-1.3 Только люди мощного разума могут однажды усомниться в его всесильности, ибо только они в состоянии дойти до границ его.

1-1.4 Чтобы побудить обыденный рассудок выйти вслед за трансцендентальной философией Канта из привычных границ, где ему так спокойно и интересно, мало ответить ему на вопросы «а зачем? а что мне за это будет? а чем мне здесь плохо?». Еще необходимо придать ему сил, чтобы ринуться в бездну, в неизвестность, покинуть твердую землю — веры или неверия — всё равно — и заставить устремиться в такие просторы, откуда, может быть действительно, нет возврата.

1-1.5 Кант много раз повторяет, что метафизика до него еще не начиналась, но нигде не высказывает прямо своё явное убеждение в том, что она им же и закончится.

1-1.6 Интересно, способны ли слепые к геометрии?

1-1.7 С точки зрения радиоволн и магнитно-силовых линий, мы — люди — не существуем.

1-1.8 С философией надо обходиться так же осторожно, как с рентгеновскими лучами. Конечно, они помогают нам

проникать за внешнюю оболочку явлений, добираться до их сути. Но вообще-то говоря, если кто-то решит отказаться от обычного зрения и заменит свои глаза рентгеновским аппаратом, то ничего кроме костей он в этом мире не увидит.

1-2. ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

1-2.1 Разумная речь всегда содержит в себе первые элементы отказа от воли и требует того же от слушателей. Оттого-то она и волнует души гораздо слабее, чем пламенная демагогия, которая уж что-что, а действие — круши! — гарантирует.

1-2.2 Если попытаться защитить Шопенгауэра от него же самого, то надо признать следующее:

На материю нашего тела претендуют все виды объективации воли, начиная от самых простейших, какими являются тяжесть, температура, силы сцепления и т. п., далее — свойственные растению законы роста и обмена веществ, далее животные — питание, половое влечение, и, наконец, собственно человеческая объективация, связанная с познанием, с Представлением. И если обычное, всем понятное и свойственное *хотение* есть как бы борьба с внешними объективациями воли — за еду, за тепло, за жизненное пространство, то столь дорогое философу *отрицание воли к жизни* есть просто борьба с самым сильным противником — с внутренней объективацией животной воли в твоём собственном теле.

Тем не менее это всё та же борьба, имеющая своей целью расширение царства «я-могу». Если бы это было не так, пришлось бы предположить возможность исчезновения воли в какой-то точке пространства-времени, а значит и ее конечность, что противоречило бы всему его — Шопенгауэра — учению. В том месте 4-ой книги, где после восторженного перечисления примеров аскетизма и подвижничества он сознается, что отрицание воли к жизни надо завоевывать постоянной и тяжкой борьбой, что его нельзя достигнуть раз и навсегда, проявилась поистине трогательная честность высокого ума, говорящего правду даже тогда, когда она сокрушает самые дорогие ему догматы.

1-2.3 Представление есть поистине некая порча Воли, некая щель, возникающая в ее свободно несущемся потоке, щель, на поверхности которой возможно даже омертвление самой Воли. Один из примеров — учение о Нирване.

1-2.4 Ницше до смешного часто использует слова «нужно», «должно», «имеют право», «оправдывают свое существование». И это в такой книге как «По ту сторону добра и зла». В своем отношении к морали, вернее в претензиях на имморализм, он похож на крестьянина, переселившегося из деревни на хутор и вообразившего, что тем самым он порвал с деревенской жизнью. Насколько Шопенгауэр спокойнее, без крика и истерик перешагивает эту грань и действительно не говорит нигде *ни о чем должном*. (Кроме как в конце жизни, в конце книги.)

1-2.5 Резигнация воли, уничтожение *хотения*, которому учат Шопенгауэр и Будда, действительно есть стена, но только направлена она не поперёк потока мировой Воли. Нет, это та стена, которая направляет поток, вдоль которой он несется, как вода в своих берегах. Причём само движение говорит за то, что даже там, далеко впереди, нет и не может быть никакой плотины. Их великие души, их устремленный в беспредельность ум — как те самые быстрые частицы потока, что первыми достигают крутого поворота, ударяются об него и, разбиваясь, могут воскликнуть нам в предостережение: «Стена!» Тогда поток сворачивает и несется мимо, всё дальше вперед.

1-2.6 Молодой Шопенгауэр в салоне своей матери познакомился с боготворимым им Гёте. Он разговаривал с ним так, будто тот должен был знать, что молодому человеку, стоящему перед ним, суждено написать «Мир как воля и представление». Понятно, что Гёте не мог этого предвидеть и игнорировал молодого человека, приводя его этим в отчаяние. Но откуда сам Шопенгауэр знал, что он напишет «Мир как воля и представление» — вот в чем вопрос.

1-2.7 Есть неуловимая грань между философией и философствованием. Ницше, Шпенглер, Шестов, Розанов, Бердяев — чистое философствование. Ибо их творчество созидает картину мироздания в огромной яркости и полноте, но без одного маленького элемента: без включения нашего собственного познающего аппарата. Оказывается, даже очень талантливые люди часто не верят, что возможна такая степень абстрагирования, при которой наш познающий и воспринимающий аппарат становится объектом исследования. «Я могу увидеть всё на свете, — говорит глаз, — кроме, конечно же, собственной сетчатки.» Даровитые философствующие склонны воображать себя истинными философами и презирать скучные копания Канта, Фихте, Шопенгауэра. Популярность приносит только философ-

ствование — даже если оно соединено с собственно философскими занятиями (тот же Шопенгауэр), которых толпа просто не замечает.

1-3. ФИЛОСОФСКИЕ БЛУЖДЕНИЯ

1-3.1 И наконец, чтобы окончательно подготовить в ходе эволюции появление на свет нас, клопов, Бог создал человека.

1-3.2 Лафатер с его физиогномикой, доктор Галль со своей френологией (характер человека — по строению черепа) производили огромное впечатление на умы, основали целые науки, которые были весьма влиятельны еще в начале XX века. Теперь всё это забыто. Неужели есть надежда, что и фрейдизм канет столь же бесследно?

1-3.3 — Ну, это очень старая истина.
— А не нужно их так бояться, старых истин.

1-3.4 Классификация, классификация — как она соблазнительна, как легко подменять ею истинное знание и успокаиваться.

1-3.5 Тейяр де Шарден. «Феномен человека». Всё, что об эволюции, об одухотворенности материи, — поразительно интересно. Всё, что о будущем, об Омеге, — сомнительно в высшей степени. Воздушные построения с единственной целью — логически оправдать свой собственный, глубокий, религиозно окрашенный оптимизм. Десятки вопросов оставлены без ответа:

а. Где доказательства, что на стадии человека разветвления фил закончились, что прекратилось пускание новых ветвей? Ведь прошло каких-то 500 тысяч лет — ничтожный для эволюции срок.

б. Если физиологическая эволюция закончилась человеком и он, в принципе такой, как сейчас, должен достигнуть Омеги, — что он станет делать с психической энергией, которая и сейчас уже не находит выхода?

в. Может ли быть, чтобы рост и плод гигантского дерева эволюции оказался в зависимости от такого ничтожного и вздорного фактора, как наше сознание? Чтобы свобода выбора была отдана этим ничтожным существам? А если нет, то в чем же особенное отличие сознания от прочих орудий выживания живого?

1-3.6 Можно представить себе некий прожектор с дефектом, вернее с особенностью луча, который на все освещаемые предметы бросает вместе со светом яркий рисунок раскаленного волоска горящей в нем лампочки. И если бы наделить этот прожектор сознанием, то естественно, он мог бы вообразить яркую змейку неотъемлемым свойством каждого предмета. Таков Гегель, с его переносом категорий разума на окружающий мир, этим разумом освещаемый, таковы и все прочие «прожекторы», признавшие его теорию за истину.

1-3.7 Вот схема заблуждения Фихте: он подхватывает идею Канта о том, что чистый разум всей своей деятельностью познает лишь себя, и в этом смысле выводит равенство Я = Всё. Однако он забывает при этом, что Кант никогда не опускался до того, чтобы отождествить Я только с чистым разумом. После этой главной ошибки все остальные набираются, как снежный ком, — сначала у него, потом у Гегеля.

1-3.8 Манипулируя в «Феноменологии духа» *здесь и теперь*, Гегель пытается лишить чувственно ощущаемый предмет свойства конечности, то есть указать в нем всеобщее, вещь в себе, как будто Кант не сделал этого до него гораздо лучше и яснее.

1-3.9 Гегелевские призывы к мужеству разума напоминают смелость старшего мальчика в компании детей, оставшихся дома без взрослых. Он храбро уговаривает остальных не бояться черноты за окном. «Видите, там ничего нет, кроме наших отражений», — говорит он, и сам тоже верит уже своим словам и почти не боится.

1-3.10 Бердяев всю свою жизнь накидывался на разные явления жизни, на разные системы воззрений, страстно уверяя всех, что ни там, ни там, ни там нет свободы. Как будто Кант и Шопенгауэр задолго до него не показали, что та Свобода, о которой он говорит, вообще не может принадлежать миру явлений.

1-3.11 Эйнштейн говорил, что критерием истинности теории для него является «внешнее оправдание и внутреннее совершенство».

1-3.12 Идею Николая Федорова о воскрешении отцов как главной цели человечества можно соединить с религиозными

представлениями о Страшном суде: потомки с Божьей помощью научатся воскрешать, а кого воскрешать, кого — нет, на этом Страшном суде, этими самыми потомками и будет решаться. При такой вере — чего только не сделаешь, чтобы понравиться потомкам!

1-3.13 Философия из объединительницы и примирительницы очень легко может превратиться во властную тиранку. Склонившись на сторону естественно-научную, станет материализмом. Преувеличив роль искусства, эстетического начала, может произвести на свет некий ницшеанский тоталитаризм. Право и государственный порядок были главнейшим вопросом для всех шести древних китайских школ; они же положены Платоном в основу его идеального государства, из которого хочется бежать без оглядки. Торжество религиозного духа даст догматическое богословие, под которым — если оно дорвется до полной власти — этика, эстетика и естествознание будут влачить рабское существование, как это уже было в средние века.

1-3.14 В философии можно представить себе такой неудержимый напор эрудиции, умозаключений, образов, заклятий, идей, догадок, который уже не вмещается в рамки строгого мышления, который подхватывает и несет более слабое человеческое сознание к некой наперед заданной цели, если при этом душа человека втайне стремилась к тому же. Таков был Гегель, таков Ницше, Шпенглер, в какой-то степени — Маркс, Сартр, Маркузе.

1-3.15 Бергсон разрушает существовавшие до него теории эволюции Дарвина (случайные изменения, сохраняемые в процессе естественного отбора) и Эймера (видоизменения различных органов под воздействием окружающей среды) одним и тем же остроумным приемом. Он предлагает последователям Эймера рассмотреть аналогичный орган различных видов, скажем, глаз, и спрашивает: «Почему одна и та же воздушная среда выработала столь различные глаза у птицы, тигра, бабочки, змеи, муравья?» Потом оборачивается к последователям Дарвина и предлагает: «Назовите мне хоть одно, хотя бы умозрительное видоизменение глаза обезьяны, которое, с вашей точки зрения, превратило бы ее не в калеку, не в отклонение от нормы, а продвинуло бы в сторону большей приспособленности к выживанию?» Сам он убежден, что эволюция происходит в тысяче направлений, как единый творческий процесс, как взрыв, как разрастание ветвей, и в любую эпоху мы видим не последова-

тельные ступени, а только крону, только очередную поверхность взрывной волны.

1-3.16 Легко Бергсону писать «Введение в метафизику» и приглашать других в храм интуиции, куда он сам в одиночку входить не желает. Смысл его утверждения, его призыва таков: «Прежние философы погружались в трансцендентальные бездны и выносили оставшимся на поверхности те или иные системы. Я же предлагаю своим читателям: к черту системы, погрузимся все вместе путем интуитивного усилия, и тогда ничего не нужно будет выносить на поверхность». Он похож при этом на того офицера на батальной картинке, который, обернувшись к своим солдатам, со страстью призывает их кинуться в неизвестность, находящуюся за краем картинки, сулит им бессмертие и славу, но сам, кажется, готов пропустить всех вперед и посмотреть, что из этого выйдет.

1-3.17 Шестов напрасно так горячится, утверждая, что Богу по силам даже сделать бывшее небывшим, то есть, например, отменить истину: «Сократа отравили». Зачем беспокоить Бога по пустякам? Министерство Правды, описанное Орвеллом, или его реальные прототипы справятся с такой задачей и без Высших сил.

1-3.18 Одна из опаснейших страстишек рационализма: открывать тысячам ничтожеств лазейки и калиточки в стене, окружающей царство Духа. Именно это проделал Гегель в философии, Фрейд — в психологии, Станиславский — в театральном искусстве. Кажется, французский художник Лебрэн устраивал нечто подобное в живописи: заготавливал альбомы с замечательными эскизами человеческих голов, которые его ученикам оставалось лишь приставлять к туловищам. Не то ли самое проделывает сейчас Лотман, с его структурным анализом?

Причем, сам зачинатель всегда в известной мере ренегат: он обладает талантом, делающим его причастным Духу, но не имеет сил выдержать одиночество с этим связанное. Жажда популярности неудержимо влечет его к предательству, к роли Эфиальта, показывающего персам дорогу в обход Фермопил.

1-3.19 Структурализм, как и прочие виды схоластики, есть попытка бегства от простой тайны — искусства, веры — в головоломную псевдо-объясненность.

1-3.20 Гениальные комментаторы вроде Шестова и Аверинцева не проявляют никакого интереса к мыслителям *ясного ума*. Их сфера — Августин и Фома Аквинский, Шпенглер и Юнг, платоники и стоики, София и Иерусалим — сумеречная ничейная земля между Верой, Знанием и Искусством. Но они никогда не коснутся в своих писаниях Канта, Шопенгауэра, Кьеркегора, Тиллиха. Ибо они предощущают, что здесь им комментировать нечего: эти сказали всё, что они хотели, сами за себя.

1-3.21 Любопытство мое снова и снова возвращается к таинственным отпечаткам на полях ржи и пшеницы в Уэлсе. Характер полегания колосьев таков, что его не мог бы воспроизвести никто на Земле сегодня. Очень многое говорит за то, что это действительно контакт с инопланетянами. Только я не верю, что они прилетали. Скорее всего, они так научились издали манипулировать магнитным, электрическим, гравитационным полями, что пишут на ровных поверхностях какие-то письма. Возможно, что гигантские рисунки, найденные на горных плато в Южной Америке, — такого же происхождения. Они пишут нам послания и терпеливо ждут ответа. Самой разумной реакцией на всё это было бы написать на тех же полях хоть по-английски, хоть по-китайски, хоть по-русски: «Приди, приди, я жду тебя». Если они настолько цивилизованнее нас, то им гораздо легче будет научиться расшифровать наши каракули, чем нам — их.

Рой второй

ЦАРСТВО Я-МОГУ

2-1. СТРАДАНИЕ И РАДОСТЬ КАК ЗНАКИ СУЖЕНИЯ ИЛИ РАСШИРЕНИЯ НАШЕЙ СВОБОДЫ

2-1.1 О ненасытимости томящегося духа всё уже сказано в «Сказке о рыбаке и рыбке». «Еще пуще старуха ярится...» Даже всеильная золотая рыбка должна была признать свое бессилие.

2-1.2 Всё же наслаждение игрой идет к нам не столько от победы над чужой волей, сколько от новизны и непохожести схватки. Если точно знаешь, что победишь, то наслаждение пропадает. Кто станет играть в шахматы с заведомо слабейшим противником?

2-1.3 Нигде свобода не подбирается так близко к необходимости, как в человеке. Так близко, что делается способной увидеть себя в этом тусклом зеркале.

2-1.4 Да, мотивы выступают как фактор причины для человеческой воли. Но само представление мотивов перед лицом воли — является ли оно лишь холодной и автоматической работой рассудка? Не участвует ли и сама воля в отборе рассматриваемых вариантов и соображений, в выпячивании одних, в сокрытии других? Не воля ли правит в «министерстве информации» в царстве нашего сознания? Не может ли здесь крыться феномен свободы, столь явно ощущаемый нами, заветный выбор — показывать подступающий мир в предельно возможной ясности или перекраивать его с безжалостностью «министерства Правды»?

2-1.5 Физиологические различия в строении мозга у различных индивидуумов, разница в весе, могут быть и не очень велики. Во всяком случае, они несравнимы с разницей в развитии умственных способностей и знаний. Мозг — это как бы закрома примерно одного размера, наполнение которых — дело всё той же Воли. Так что богатство наполнения может служить уже и косвенным признаком воли высокого порядка — это надо запомнить.

2-1.6 Чувство страдания, испытываемое нами, есть всегда знак утраты нами какой-то доли свободы, области царства я-могу; чувство восторга, наслаждения — всегда знак обретения, расширения. Таково самое краткое изложение главного постулата «Практической метафизики», которое я разрешаю включать в любые философские словари и справочники.

2-1.7 Человек различает уровни свободы в окружающем его мире так же, как его зрение различает предметы: далекие — с трудом, близкие — с замечательной отчетливостью.

2-1.8 Человеку дарована не только свобода «быть или не быть», но также в значительной мере свобода «знать или не знать».

2-1.9 Если изобретение атомной бомбы — ход, которым Творец хочет отбросить в мусорную корзину Вечности свое неудачное творение — нас, — то как же он сохранит при этом свои безусловные шедевры — фазанов и сазанов, коней и шмелей, васильков и колосков, тополей и голубей?

2-1.10 Господь увлек нас игрой в причины и следствия, чтобы мы не заметили и не отняли у Него Его любимую игрушку — Свободу.

2-1.11 Для растения самая восхитительная часть мироздания — неуверенность в приходе новой весны. Для зверя и птицы — неуверенность в завтрашнем восходе солнца. Для нас — неуверенность в каждой грядущей секунде.

2-1.12 Профессия ученого — обнаруживать прекрасную простоту за хаосом явлений. Профессия художника — обнаруживать прекрасный хаос за внешней простотой явлений. Немудрено, что эти двое так часто косятся друг на друга с подозрительностью и раздражением.

2-1.13 Ах, как нам хочется, чтобы разумное, красивое, доброе, высокое наконец-то совпали. И нигде эти четыре сферы не подходят так близко друг к другу, как в поэзии. За это мы и поклоняемся ей. Нам хотелось бы сделать Поэта нашим вожатым в жизни.

Но поэт — как компас: он способен показывать Направление, но он ничего не может знать о Пути.

Когда мы в очередной раз проваливаемся в трясину жизни, мы склонны в очередной раз проклинать поэтов. Например, Блока, Маяковского, Пастернака, Цветаеву, Есенина — зачем манили нас в яму революции? Зачем не провидели, не предупредили? Но это так же глупо, как если бы погибающий в снегах Антарктиды Роберт Скотт начал колотить свой компас. Ибо на полюсе компас показывает куда угодно — и всегда прав.

2-1.14 Так называемые гуманисты готовы наделить человека всеми мыслимыми достоинствами, кроме одного: свободы воли. Как можно! Ведь свободный человек мог бы вдруг взять в руки ружье и застрелить отца родного. Когда подобное случается, гуманисты садятся за самое увлекательное занятие: отыскивать, какие именно пороки общества привели к трагедии в этот раз. Не означает ли это, что хотя бы за обществом они готовы признать свободу — столь неразрывно связанную с ответственностью?

2-2. ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

(Вторая часть «Практической метафизики» представляет собой построение философской системы. Оказалось, что это серьёзное занятие не давало никаким побочным мыслям отлетать в сторону и вести самостоятельную жизнь. Но желая соблюсти выбранный для этой книги принцип — похожесть оглавлений, — я решил включить хотя бы краткий перечень выводов, приведённых в конце второй части. Читатель, в котором предыдущие страницы не разожгли интереса к «Практической метафизике» может пропустить данную главку, как мы пропускаем рекламные вставки в телевизионной передаче.)

Взяв за основу Кантовскую теорию познания, отделившую явление от являющегося, от вещи в себе, а также развивающее эту теорию учение Шопенгауэра о вещи в себе как воле, мы путем тщательных наблюдений за хаосом человеческой жизни, приходим к убеждению, что новую внутреннюю связь и смысл этому хаосу придают следующие положения:

1. На основании присущей каждому человеку способности суждения о добром и злом можно прийти к выводу, что подсознательно каждый человек (даже тот, кто станет отрицать это на словах) признаёт свою волю и волю ближнего своего изначально свободной.

2. На основании внутреннего единства вещи в себе, свойство свободы следует мыслить присущим любой воле в той или иной степени.

3. Эта разница в степени проявляется в том, что для нашей познавательной способности (для способности представления) воля в природе объективируется на различных уровнях свободы.

4. Наша воля обладает некоторой способностью различать уровень свободы воли не-Я по принципу выше-ниже (камень, тюльпан, белка, человек, племя, Бог).

5. С гораздо большей непосредственностью воля Я различает расширение или сужение границ собственной свободы, своего царства я-могу: знаком сужения для нее всегда служит чувство неудовольствия, страдания, знаком расширения — чувство удовольствия, блаженства.

6. Никакие достигнутые границы не могут удовлетворить и уничтожить главнейшее и единственное устремление нашей воли — осуществлять свою свободу в процессе преодоления воли не-Я, то есть осуществлять расширение границ царства я-могу.

7. Процесс осуществления свободы возможен в любом направлении, о котором представляющая способность скажет нашему Я, что оно само, действуя без всякого принуждения извне, могло бы здесь, преодолев очередную волю не-Я, расширить границы своего царства я-могу.

8. Жажда осуществлять свою свободу была замечена в человеке с незапамятных времен, и пророк дал ей название «томление духа». Но чем дальше развивается человеческая история, тем больше мы видим указаний на то, что острота этой жажды, этого томления различна в различных людях. Поэтому мы вынуждены допустить понятие о различных врожденных уровнях свободы в людях.

9. Доступные нашему наблюдению возрастания и затухания энергии осуществления свободы одним и тем же индивидуумом неразрывно связаны с упрочением или ослаблением системы его представлений о собственной свободе в данном действии (прикажете игроку играть — и всё удовольствие для него пропадет), о надежде на преодоление (играть с безнадежно слабым противником так же скучно, как с несоразмерно сильным) и о возможном обретении (приз, слава, денежный выигрыш, просто удовольствие победы).

10. Неравенство энергий осуществления, наблюдаемое нами из неравенства результатов, достигаемых различными людьми в достижении одной и той же формы обретения (при равных обстоятельствах), оказывается объяснимым только из врожденного неравенства свободы их воли. (Именно это неравенство имел в виду Платон, предлагая в своём идеальном государстве

разделять людей по их врожденным свойствам на медных, железных, серебряных и золотых. Однако даже он не оставил нам инструкций, каким образом уговорить медных и железных смириться со своим приниженным положением.)

Рой третий

О СТРАСТЯХ ДУШИ

3-1. ВРАЖДА

3-1.1 Он был довольно образованным человеком, но не мог никогда отличить Эйнштейна от Эйзенштейна, потому что мысль его тотчас отвлекалась в сторону, на начальника лаборатории Эпштейна, с которым у него были давние счёты.

3-1.2 Если познание — бегство одаренной личности от непонятного, то и уничтожение этой тревожной личности есть тоже своего рода путь к преодолению непонятного: приклепнуть — и дело с концом, и снова всё понятно.

3-1.3 Есть слабая надежда, что преследование и подавление инакомыслия коренится в тайном стыде. Хочется, чтобы все стали *также же*, чтобы не перед кем было стыдиться. Отсюда и поспешное желание уцепиться одному за другого, да покрепче, по замкнутому кольцу круговой поруки — столь далекое от желания обняться со всем миром.

3-1.4 Зло не имеет своей силы на Земле. Для своих непрекращающихся злодеяний оно всегда пользуется силой и могуществом Добра.

3-1.5 Научно-фантастический рассказ о человеке, добившемся физического бессмертия и убитом простыми смертными на следующий же день.

3-1.6 Самые страшные и диковинные казни придуманы писателями. Машина, вырезающая кровавые заповеди на спине осужденного, у Кафки. «Механическое правосудие» — автомат для порки — у Куприна. Олеша в «Зависти» описывает казнь: человека кладут затылком на наковальню и бьют молотом по лицу. Фадеев был просто садистским писателем. У Андрея Платонова девушку Розу «пеленают» электрическим проводом, бьют бутылкой с песком по животу. Чудовищные казни и пытки у Шарля де Костера в «Тиле Уленшпигеле». А на самом деле обычнейшая пытка, описание которой сохранилось в протоколах допросов инквизиции, — зажать пальцы ноги в винтовой зажим и закручивать винт. Нужно признание добывалось безотказно — разница была лишь в числе оборотов винта.

3-1.7 Нам сейчас так же трудно понять суть расхождений и ненависти между католиками и гугенотами, между старообрядцами и никонианами, как нашим потомкам будет не под силу уразуметь смертельную вражду наших дней между теми, кто говорил, что всё создано Богом, и теми, кто убивал их за это, считая, что всё создано Природой.

3-1.8 Наша воля-свобода смотрится в мир и окружающих людей, как сказочная красавица в своё зеркало, и если замечает там, если слышит в ответ на свой вечный вопрос, что «есть кто-то милей тебя» (то есть свободней), то порыв разбить зеркало возникает безотказно. Отсюда столь частая «безмотивная» озлобленность людей ничтожных, здесь же корни всех форм политического экстремизма и терроризма.

3-1.9 В конечном итоге, весь спор и распря на земле идут между ленивым и трудолюбивым.

3-1.10 Люди часто не столько любят, ненавидят, презирают или поклоняются, сколько пользуются кем-то, чтобы потешить свою душу любовью, презрением, ненавистью, поклонением. Потом, конечно, это может превратиться в привычку и даже очень сильную — любить хоккеистов и певцов, ненавидеть жидов и «чучмеков», поклоняться Сталину и Гитлеру, презирать иностранцев и умников.

3-1.11 У них есть только один способ перестать быть такими смешными и жалкими — стать очень страшными.

3-1.12 Искусство женщин огорчать друг друга сравнимо только с искусством мужчин убивать друг друга.

3-1.13 Страшно мстит отверженный человек. Вы объявляете его ничтожеством и не хотите слышать его боли, его обиды, пока он не явится к вам в дом с бритвой и автоматом. Бритва и автомат — вот единственный язык, который вы оставляете ничтожеству своим безумным высокомерием.

3-1.14 Причинение страданий — еще не главное занятие зла. Получение удовольствия от чужих страданий — вот его неотделимая примета.

3-1.15 У русских националистов в списке архитектурных памятников Москвы, разрушенных жидами и коммунистами и

подлежащих немедленному восстановлению, на первом месте стоит Лобное место.

3-1.16 Это правда, что евреи умеют ловко устраиваться. Тепленькое местечко, где они пребывают, называется «зона отключения взаимной ненависти». И вот этого мы им никогда не простим.

3-2. ЛЮБОВЬ

3-2.1 Настоящая любовная драма начинается лишь тогда, когда Амур схватывается с Эросом.

3-2.2 Не имея для своих выступлений общественной трибуны, они мучили многочасовыми речами знакомых женщин.

3-2.3 У Пушкина, в «Борисе Годунове», сцена Самозванец и Марина Мнишек у фонтана — как «Двое на качелях», и каждый раз одинаково волнует.

3-2.4 Все вариации и обряды с похищением жён, мнимым и действительным, с сопротивлением невесты и подруг, остаются необъяснимыми ни по Мак-Ленану, ни по Моргану, ни по Спенсеру. Общий же корень их — соединение любовного акта с актом воли, борьбы, преодоления.

3-2.5 Пушкинский Алеко — это не про ревность, а про неспособность вынести свободу в любимой, в любимом — вообще в другом человеке. («Ты для себя лишь ищешь воли...»)

3-2.6 Страсти вообще стоят дорого. Но как-то не замечают, что страсть к семье и детям — одна из самых дорогостоящих.

3-2.7 — Что нужно для счастья человеку? Разделенная любовь. Любовь у меня уже есть — к себе ненаглядному. Теперь только нужно, чтобы кто-то ее разделил со мной.

3-2.8 Счастье бывает только по дороге к счастью.

3-2.9 Одни считают женщину исчадием ада. Другие — райским видением. Третьи — окошком, через которое мужчине дано заглянуть в вечность. Возможно, эти три точки зрения вовсе не противоречат друг другу. Просто каждый, глядя на женщину, действительно, видит вечность и видит, что ему уготовано в ней: кому — адские муки, кому — райские кущи.

3-2.10 Наш непомерный любовный жар, наш нелепый восторг при виде мелькнувшего в разрезе юбки колена — это

попытка Творца загладить, уравновесить, скрыть эстетическую неудачу, которую Он потерпел, создавая эти голокожие бесшерстые существа.

3-2.11 В собрание русских пословиц Даля включено примерно три сотни пословиц о любви. Почти во всех объект любви — «милый», «миленок», «милый дружок». То есть ОН. Влюбится же парню в девку — позор и посмешище. «Влюбился — как сажа в рожу впелся». «Влюбился — как мышь в короб ввалился.» Но жалеть всё же следует русских парней, а не девок. Как, должно быть, каждый ждал — пословицами обещанного, — что и по нему кто-то начнет сохнуть. Впадал, наверное, в панику: «Что ж это неладно со мной? Али я хуже других? Али я порченный, что никто мне русы кудри не гладит, белы ноги не целует?».

3-2.12 Наша кошка — охотница. Главный объект охоты — ласки. Надо видеть, как она подкрадывается, как готовится к прыжку на колени, как — прыгнув — прижимает уши и ждет — погладят или прогонят? В тот момент, когда я пишу это, она уже пытается потеряться о мою авторучку. Чтобы перейти на следующую строчку, я должен отодвинуть ее лапу с листа. Теперь она уперлась лбом в рукав моей рубашки и заливает его благодарной слюной.

А мы — мы всё лицемерим и делаем вид, будто хотим друг от друга чего-то другого.

3-2.13 Лучшая эротическая сцена, написанная когда-либо мужем Софьи Андреевны, — отсечение собственного пальца отцом Сергием.

3-2.14 Любовь может занять такую власть над вами, что вы найдете в себе силы простить возлюбленному даже зубную щетку, поставленную в стаканчик ручкой вверх, а не вниз.

3-2.15 Его искусство притворяться каждый вечер новым не знало границ.

3-2.16 Оказывается, каждая улитка является одновременно и самкой, и самцом. Их любовное соитие абсолютно взаимно. Оба — обе — дарят себя друг другу, оба — обе — расползаются удовлетворенные, счастливые, беременные.

А самка богомола успевает отъесть у самца голову, пока он оплодотворяет ее. Но не у всякого — некоторых щадит. Интересно — почему?

3-2.17 Ослепленный женщиной Самсон, ослепивший себя из-за женщины Эдип, во-время ослепший мистер Рочестер — разве не сквозит здесь извечная женская мечта — от Далилы до Шарлоты Бронте и дальше — заполучить нас в конечном итоге как слепую безвольную игрушку?

3-2.18 Количество разводов растет пропорционально длительности жизни в стране. Супругам еще по силам выносить друг друга по 15, по 20 лет. Но по 30? по 40? С этим уже не всякий справится.

3-3. СЛАВА И ВЛАСТЬ

3-3.1 Как вы переживаете тот очевидный факт, что вы не Лев Толстой?

3-3.2 Есть люди, которые мечтают о славе и изо всех сил добиваются ее только для того, чтобы было что бросить псу под хвост.

3-3.3 Многие критики, восхищенные его творчеством, с нетерпением ждали только его смерти, чтобы увенчать его славой.

3-3.4 Похоже, что и Магомету являлся искушитель в пустыне. Во всяком случае, искушению властью — «...все царства мира и славу их... всё это дам тебе» (Матф. 4:8—9) — он явно поддался.

3-3.5 За Правду цепляются только те, кому недоступна Власть.

3-3.6 Политика, власть над людьми — такое грязное дело, что порядочные люди всегда стараются оставить его в руках прохвостов и негодяев. Но порядочно ли это?

3-3.7 Ни один значительный писатель не был открыт и возведен на литературный трон критиками. Так или иначе всех их вводила в литературу читательская любовь. Поначалу порой — любовь двух-трех читателей. Только после этого писатель попадает в поле внимания литературоведов и критиков. Но с данного момента они пытаются не замечать читательские страсти и смотрят на читателя с тем же высокомерием, с каким стража у парламента смотрит на спешащих по своим делам, суетливых избирателей.

3-3.8 Близкое знакомство с современным литературоведением должно излечивать от славолюбия безотказно. Представить только Пушкина, читающего книгу Синявского или Вертлиба о себе. Назад, назад в безвестность!

3-3.9 Занятия литературой увлекают многих лишь как опробованный способ выживания во времени. Их, правда, немного смущает пример Гомера, Данте, Шекспира, Толстого. «Как? Неужели обязательно писать о других? Неужели нужно тащить с собой в бессмертие всех этих Одиссеев, Гамлетов, Беатриче, Болконских? Вообще кого-то другого? Нет ли у вас одиночной плащкарты для бесценного меня?» Так возникает жанр исповедальной прозы.

3-3.10 Человек жаждет реализовать в своей судьбе собственную единственность и неповторимость, которую он так ясно ощущает в душе. В этой жажде — истоки двух самых сильных страстей: страсти к славе и страсти к семье. Ибо, если я не добился славы — то есть не стал единственным для толпы, что же мне остается? Стать хотя бы единственным и неповторимым для жены и детей.

3-3.11 Как таинственно значение надписи, зажегшейся на стене вавилонского дворца: «Ты был взвешен и найден слишком легким». Не являются ли все усилия нашего тщеславия всего лишь попытками сделаться тяжелее на Господних весах?

3-3.12 Идея нового бизнеса: открыть для богатых людей специальный спортивный клуб, главным упражнением в котором будет пролезание через игольное ушко.

3-3.13 Все мы похожи на цикад, старающихся перекричать друг друга в любовной тоске. И даже эта запись — ничто иное, как мимолетный вопль цикады, пытающийся взлететь над общим хором.

3-3.14 Сначала человек жадно и благодарно вслушивается в голоса мира. Потом осторожно начинает пробовать свой голос. Это занятие нравится ему всё больше и больше. В какой-то момент он теряет интерес к чужим голосам и хочет слышать только свой. С этого момента он и переходит в состояние, которое мы определяем словами «старый пердун». Или — в одном случае из миллиона — «великий поэт».

3-4. ГОРДОСТЬ И СТЫД

3-4.1 Писатель — это всегда соединение величайшего стыда и величайшего бесстыдства. Может быть, поэтому-то они так редки. У тех, кто в наши дни пытается обойтись одним бесстыдством, — надо надеяться — ничего не выйдет.

3-4.2 Подавлять в себе всякое чванство, а потом чваниться этим перед самим собой.

3-4.3 Отчего несовершенство в искусстве всегда связано с понятием чего-то крайне постыдного, гораздо сильнее, чем всякое другое несовершенство? Не сродни ли это тому случаю, когда ученик сам тянет руку, просится к доске и, наконец вызванный учителем, получает двойку? Ведь в обычной двойке большого позора нет — ну, не выучил, неспособен, не повезло. Но когда сам рвался, так и жди в глазах соучеников злорадное «не лезь».

3-4.4 Мы перестаем испытывать близкого нам человека в тот момент, когда думаем, что до конца узнали его и пределы его возможностей. Но не может ли случиться, что провоцируемый нами и дальше он смог бы открыть в себе какие-то новые глубины чувства, ума, энергии? С другой стороны, очень тягостно бывает видеть его карабканье, натужность, попытки прыгнуть выше головы. Он гораздо больше нравится нам спокойным и уверенным в себе, и мы избегаем тревожить его своими несбыточными претензиями.

3-4.5 «Как велик океан! — воскликнул чайник. — Он наполнил меня до краев.»

3-4.6 — Что меня в ней бесит, — говорил он, — это что глаз косой, зуб кривой, спина колесом, а ведет себя при этом, как красавица.

3-4.7 Кто-то рождается с горбом. Кто-то — с короткой ногой. Кто-то — с кривым глазом, с родимым пятном поперек лица, с врожденным пороком сердца, с атрофированными руками. А кто-то рождается с такой непомерной гордостью, что, если споткнулся на неровной ступеньке, где все спотыкаются, то

привычная мысль о самоубийстве с готовностью прыгает в голову: пора?

3-4.8 — «Лентяй, лентяй!» кричат они. Как они могут?! Да, есть люди, у которых хватает сил на жизнь, и есть люди, у которых едва хватает сил одеться поутру. И первые не смеют, не смеют, не должны колоть глаза последним за то, что те не могут быть другими.

3-4.9 Жизнь каждого человека есть не только получение, но и раздача обид. Так что нечего жаловаться.

3-4.10 Мастер запоздалых сожалений.

3-4.11 Человек не может выбрать себе рубашку, написать письмо, посадить цветок, позвать друга в гости, ибо его мучает мысль о где-то — каких-то — других — лучших — недостижимых — рубашках, друзьях, письмах, цветах. Диагноз: парализующий максимализм.

3-4.12 Когда вы защищаете очень высокую идею, можно прибегнуть даже к не очень высоким методам — в этом вся прелесть.

3-4.13 Национализм упоителен еще и тем, что дает бесконечный простор себялюбию. Любить себя бесценного считается пошловатым. Но любить себя как немца, как русского, как японца — что может быть похвальней и увлекательней?

3-4.14 Есть люди, считающие, что для достижения успеха в любом деле надо сперва хорошенько впасть в отчаяние. Постепенно им начинает казаться, что впасть в отчаяние и остаться в нем — это и есть вожделенный успех, которым можно гордиться.

3-5. БЫТЬ И КАЗАТЬСЯ

3-5.1 После того, как я уже сказал ему, что он замечательный художник, у него пропал ко мне всякий интерес.

3-5.2 — Ах, я не вижу в нем настоящей тяги к невзгодам!

3-5.3 У писателя не может быть «глубины души» — ведь он постоянно выворачивает ее наружу, наверх.

3-5.4 Оплакать свое одиночество и получить за это деньги с тысячной, собравшейся послушать, толпы.

3-5.5 Он, конечно, добр, но ему это нелегко дается.

3-5.6 Всё, что есть наше «казаться», имеет где-то свой корень в «быть».

3-5.7 Взгляд на себя, как корчишься под этим взглядом, каждое чувство кажется неискренним, для зрителя, как доводишь себя до такой боли, которую уже нельзя принять за притворство, и потом держишься за нее, как за единственный росток чего-то подлинного.

3-5.8 Есть книги, завоевывающие читательскую преданность именно заумностью. Всякий, кто вложил в прочтение такой книги труд и время, оказывается как бы привязан к затраченному капиталу своих трудов и ни за что не захочет признать, что всё было потрачено впустую. Как дом, который не продать, — нужно хотя бы набивать ему цену.

3-5.9 Женщина на 90% отзывается на чужие эмоции, а на остальные девяносто — на свои собственные.

3-5.10 Общество безжалостно. Оно душит нас правилами хорошего тона и никогда не позволяет нам говорить о самом для

нас важно: в юности — о сексе, в зрелости — о долгах, в старости — о болезнях.

3-5.11 Графоманская страсть к писательству — это страсть к речи, которую уже никто не сможет прервать.

3-5.12 Она воспринимала свою толщину не как уродство, а как дар на алтарь человеческого многообразия.

3-5.13 Чем красивее нос женщины, тем труднее ей видеть дальше него.

3-5.14 Раньше мы говорили про пьяницу, селадона, картежника — «порочный человек». Теперь пороков не осталось — одни проблемы. Problems. Drinkink problem, women problem, gambling problem. Как славно жить в мире, в котором пороку не осталось места.

3-5.15 Возникла секта, обещающая своим последователям в загробной жизни вернуть их в то самое место, где они были острее всего счастливы в жизни земной. Память их для этого подвергалась компьютерному анализу, сила счастья замерялась, и результат выносился на экран компьютера. У одного это оказалась супружеская спальня, у другого — блиндаж с коптилкой, у третьего — футбольное поле, у четвертого — лагерный барак, у пятого — детский садик с добавочной порцией каши, у шестого — конторка стенографа в пыточной камере.

3-5.16 Есть люди, начинающие любую ответную реплику в разговоре с «нет». Несогласие кажется им — или инстинктивно ощущается ими — заведомо творческим актом. На самом деле это просто лень ума, пытающегося увильнуть от трудной работы обдумывания чужой мысли. Они не замечают, что постоянное несогласие так же скучно, банально, предсказуемо, неталантливо, как и постоянное согласие.

3-5.17 Он ставил терпимость так высоко, что всех нетерпимых людей готов был задушить собственными руками.

3-5.18 Либо у вас есть личность, то есть характер с определенными чертами, — и тогда вы предсказуемы. Либо у вас есть непредсказуемость и нет личности. Выбирайте одно из двух.

3-5.19 — Довольно! — сказал он сам себе. — Сегодня я не произнесу ни слова в осуждение ближнего своего.

И честно умолк на весь день.

3-6. ПИТЬ И СМЕЯТЬСЯ

3-6.1 Удовольствие от анекдота, от угадывания пропущенных звеньев и веселого всечеловеческого сообщничества, и как всё удовольствие исчезает, если звенья добавить.

3-6.2 В тысячный раз прочтешь на стене уборной надпись «ты говно», и в тысячный раз это будет обидно.

3-6.3 Насмешливость можно превратить в жизненную позицию, которая ни к чему не обязывает. Она приятна, как карточная игра, в которой ставки делаются не из твоего кармана и проигрывает кто угодно, только не ты. Естественно, что на такую игру не всегда найдутся партнеры.

3-6.4 Редкостный писатель для редкостного читателя.

3-6.5 — Папа, напиши нам стихи.
— Отстань. Я, слава Богу, не поэт, а прозаик.
— Хорошо, напиши про заек.

3-6.6 Они не понимают, что серьезное отношение к жизни несовместимо с серьезностью.

3-6.7 В общежитии Литературного института меня однажды в два часа ночи разбудил пьяный крик за стеной: «...А я ему бля-на-хи-мать-не-мать... никогда бля-на-хи-мать-не-мать... не прощу бля-на-хи-мать-не-мать... засорения русского языка бля-на-хи-мать-не-мать...»

3-6.8 Страстный рыболов интересуется, клюёт ли рыба в Стиксе.

3-6.9 Русское слово «таможня» означает: там можно.

3-6.10 Советских писателей заставляли переделывать их произведения по многу раз. Чтобы им легче было этим заниматься, им давали дачи в поселке, который отсюда и получил свое название — Переделкино.

3-6.11 Наличие или отсутствие иронии очень много говорит о человеке. Отсутствие — знак того, что человек не ощущает вертикальную составляющую мироздания. То есть разницу между высоким и низким. Или равнодушен к ней.

Есть трудноуловимая разница между иронией и юмором. Юмор замечает разницу между высоким и низким и играет на ней. Но он воображает, что вся шкала высокого—низкого видна ему от низа до верха. Ирония же знает — или предощущает, — что шкала бесконечна в оба конца. Поэтому и самое высокое остается открытым ироничному отношению, и самое осмеянное может сохранить неуничтожимое достоинство. «Но божество мое проголодалось», — так только Моцарт, и только Моцарт у Пушкина — не у Формана — может сказать про себя. Сальери же лишен иронии и сердится на Моцарта за подобные шутки. Ибо они-то в первую очередь и обнажают обделенность, ограниченность Сальери. Уж если давать за что-то яд, так именно за это. И не за это ли же абсолютно серьезный Мартынов вызывает на дуэль ироничного Лермонтова?

3-6.11 Культурный обмен женами. На полгода. Твоя — в Америку, ко мне, моя — в Испанию, к тебе. А там посмотрим.

3-6.13 Случайно ли в русском языке слова «вино» и «вина» тянутся друг к другу? В английском же к алкоголю тянутся дýхи (spirits).

3-7. ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ

3-7.1 Готов с полной серьезностью сказать про кого-нибудь: одаренный читатель, талантливый зритель.

3-7.2 Старушка у кассы кинотеатра в Павловске говорит: «Пенсия-то маленькая, а мне денег много нужно. Я ведь, если картина хорошая, на нее пять-шесть раз хожу».

3-7.3 Ради Бога, копайтесь в себе сколько угодно, смакуйте все виды своей бесчувственности, расписывайте всеми доступными средствами. Но хорошо ли при этом пытаться превратить подобное занятие в профессию и зарабатывать им себе бесчувственные гонорарные деньги?

3-7.4 Вы опишете хлеб, я опишу зрелища, и получится портрет эпохи.

3-7.5 Многие дети мечтают, как они вырастут и будут продолжать играть всю жизнь, но при этом еще получают славу и деньги. То есть сделаются актерами.

3-7.6 Так и бежим узким коридорчиком, между голодом и обжорством, между болью и скукой, к заветной дверке в конце. А что если и за ней — тот же коридорчик?

3-7.7 Великий кормчий советского кинематографа допустил единственную ошибку: он забыл, что «из всех искусств важнейшим для нас является кино», и разрешил демонстрацию «трофейных» — то есть на самом деле голливудских — фильмов. Всё послевоенное поколение в России было воспитано не на «Молодой гвардии», а на «Острове страданий», «Таинственном беглеце», «Королевских пиратах», «Железной маске», «Робин Гуде». Эрол Флинн, Джанетта Макдональд, Эдди Нельсон, Дина Дурбин заполняли наши сны. Неудивительно, что многие из нас тридцать лет спустя почувствовали себя в Америке, как в родном доме.

Остается загадкой — почему лучший друг кинематографистов всего мира это сделал? Можно ли допустить, что он сам был зачарован голливудскими кино-сказками? А почему бы и нет? Зачаровала же Шехерезада бессердечного палача-калифа? И не

связано ли падение мирового коммунизма в конце 1980-х с тем, что к власти в России пришло поколение, воспитанное на голливудских фильмах?

Если это так, то да здравствует Голливуд — победитель коммунизма, величайшая Шехерезада нашего века.

3-7.8 Американцы потому так плохо знают мировую историю, что Александр Македонский, епископ Томас Кентерберийский и Лев Троцкий сливаются для них в одно — на весь экран — лицо Ричарда Бартон; а император Марк Аврелий, король Карл Первый Стюарт и Гитлер — в лицо Алека Гинеса; а шведская королева Кристина, русская императрица Екатерина и Мата Хари — в лицо Греты Гарбо; и так далее, и так далее...

3-7.9 Не испускает ли каждый восторженный зритель в зале какую-то дозу радиоактивного или иного невидимого излучения? Если бы такое явление обнаружилось, мы бы получили право утверждать (нам стало бы ясно), что Мэрлин Монро, Элвис Пресли, Джуди Гарланд, Владимир Высоцкий, Джон Белуши и многие, многие другие певцы и актеры погибли от чрезмерных доз облучения восторженностью.

3-8. КРАСОТА

3-8.1 Буряты поют то, что видят: «А вот стоит лошадь, а я иду мимо, и кругом растет трава, зеленая трава с цветами», — поют буряты.

3-8.2 Эпиграф — это такой маленький кусочек хорошей литературы, который показывает, как изящно, коротко и просто можно было сказать то, что ты уныло развез на триста страниц.

3-8.3 Могут ли люди с малейшим эстетическим чувством пользоваться словом «облдрам»? (Областной драматический.)

3-8.4 Однообразие построения — сцена, мотивировка, комментарий — всегда бывает заметно даже при сплошном гротеске и одного, и другого, и третьего.

3-8.5 Бродский сказал, что очень великое искусство возникало лишь там, где художнику казалось, что его задачи утилитарны: выстроить Храм Божий, исправить нравы, воспеть возлюбленную. Никогда ничего великого не было создано с установкой на величие.

3-8.6 Хорошая литература несовместима с хорошим тоном.

3-8.7 Писатель всю жизнь ищет новые слова, чтобы назвать безымянные дотоле вещи. Но есть и такие, что ищут безымянные вещи только ради того, чтобы было что́ назвать новыми словами.

3-8.8 Что такое поэт, спрашиваете вы? Кого можно считать поэтом, а кого нет? Да всякого, кто написал хоть один стих так, чтоб где-то кто-то незнакомый вдруг заплакал над ним, — тот и поэт. Как в «Сказке об аленьком цветочке» — на кого упала чья-то слеза, тот и преобразился. Слишком много получится поэтов? Ничего, наизусть всех учить не обязательно.

3-8.9 Характер писательского напряжения можно сравнить с усилием сверловщика, погружающего сверло в металл: если пошло вдруг легко, значит началась пустота.

3-8.10 Для того, чтобы из какого-нибудь персонажа вышел сложный и многогранный образ, нужно только не помнить, что ты писал о нем в предыдущих главах.

3-8.11 Есть дивный прием — описывать явление не тем, что в нем было, а тем, чего в нем не было. Например: «На их бедном столе не было ни скатерти, ни фруктов, ни белого хлеба, ни красного вина...» Получается красочный натюрморт из отсутствующих деталей. (Как у Пастернака: «Не моросило...»)

3-8.12 Значимое — богатое соотношениями.

3-8.13 Высокий дух свободы живет, должно быть, во многих людях, но способность перенести его из мира свободы в мир необходимости — это уже редкость, называемая талантом.

3-8.14 Бог не кинематографичен.

3-8.15 Современная теория литературы, даже так называемая «приличная», тщательно избегает прикасаться к тому, что составляет нерв искусства — к чувству, к страсти. Это считается не научным. Предпочитают подсчитывать число слогов в поэтической строке, или гласных звуков, или с ученым видом привешивать бирку стиля, школы, направления, да кто у кого что заимствовал, да кто с кем перекликается, наполняя статьи бесконечными «см.». Получается действительно научно, безопасно, и можно всю жизнь оставаться в почётной компании литературных классиков, которые уже не встанут из гробов, чтобы разогнать зануд.

3-8.16 В драме дух человеческий испытывается горем и страданием, в трагедии — ужасом и безнадежностью.

3-8.17 Хороший джаз чем-то напоминает игру котенка с собственным хвостом: так же искренне, упоенно, изящно и закруженно-безысходно.

3-8.18 «Истинно — ибо нелепо»? Нет, «прекрасно — ибо быстротечно».

3-8.19 Господь любит художников и многое прощает им за то, что главное их занятие на Земле — бескорыстное любование Его творением.

3-8.20 Разница между настоящей литературой и тем, что нравится сегодня массовому читателю, так же велика и так же трудно определима, как разница между настоящим служителем Божиим и шаманом. Язычество захлестывает нас через все щели.

3-8.21 Поэтичность — самый изящный способ бегства от ответственности.

3-8.22 Есть поэты, радующиеся только тем строчкам, в которых — как им кажется — рука Господня двигала их пером.

Есть поэты, радующиеся только тем строчкам, которых — как им кажется — Господь не мог бы создать без них.

Но нет поэтов, готовых допустить — хотя бы как отдаленную возможность, — что у Господа есть в мире другие интересы, кроме поэзии.

3-8.23 Зернышко сладкой печали спрятано под кожей жизни так глубоко, что многие из нас никогда бы не отыскали и не вкусили бы от него, если бы не Бах, не Альбинони, не Телеман, не Вивальди, не Моцарт.

3-9. ДОЛГ

3-9.1 В жизни мы не любим, нас пугает вид свободно несущейся страсти, не впряженной в телегу каких-нибудь полезных искусств или ремесел.

3-9.2 Геракл, наказывающий после двенадцатого подвига царя Еврисфея, несправедлив. Ведь если б не злой царь, гонявший его то туда, то сюда, он бы не совершал подвигов и остался безвестным домашним силачом.

3-9.3 Да, это прекрасно, когда человек отправляется в опасное путешествие за золотым руном. Но если он требует сначала твердых гарантий, что найдет, а иначе отказывается стронуться с места — это уже пошловато.

3-9.4 Этот славный парень (как и все почти москвичи) переставал что-нибудь понимать, когда речь заходила о счётах человека с самим собой, а не с другими негодьями и дураками.

3-9.5 Человек превращается в зрителя или судью, когда у него нет уже больше сил принимать участие в преступлении, называемом жизнью.

3-9.6 Возможно, что именно в тот момент, когда мы начинаем искать оправдания своей жизни и находим его, мы и утрачиваем то, что её — нашу жизнь — оправдывает. Возможно, это некая граница, поставленная природой разуму, за которой стрельба начинается без предупреждения.

3-9.7 Есть мораль: спи с кем хочешь, но так, чтобы жена ни о чем не догадывалась. Есть мораль обратная: нельзя лгать, особенно в чувстве, прятаться и хитрить — пусть будет всё в открытую. Есть третья мораль: полюбил другую — брось предыдущую и женись на новой. Есть четвертая: гуляй в свое удовольствие, но тогда не запрещай того же и жене. Есть еще пятая, шестая и так далее. Поистине — как много возможностей остаться моральным!

3-9.8 Чувство справедливости относится к чувству сострадания так же, как мысль к впечатлению. Справедливость — это абстрагированное сострадание.

3-9.9 Единственный читатель, который мог бы до конца понять и оценить роман Кафки «Процесс» — князь Мышкин.

3-9.10 Слишком для многих Бог дорог лишь тем, что в руке Его — одаривающей или даже карающей — можно укрыться от Справедливости.

3-9.11 Господь создал родственные связи, чтобы затруднить нам наше любимое занятие — отбрасывание людей неинтересных.

3-9.12 Предъявлять непомерные, невыполнимые требования людям, жизни, себе — не это ли вернейший способ утопить себя в пучине тоски? Непонятно только, почему в тех, кто топит себя именно таким способом, нам всегда видится отблеск подлинного благородства.

3-9.13 Как легка жизнь на мостках моральных обязательств, за перильцами добрых дел, в уютной колыбели помощи ближним, в заоблачных высях спасения дальних. И как тяжело и страшно остаться в заботах только о себе, одном себе, всегда одном.

3-9.14 И это спасительное безразличие к мертвым.

3-9.15 Сердце у нее было золотое. Только очень маленькое.

3-9.16 Справедливость бессердечна, а потому не имеет заступников среди поэтов.

3-9.17 Идея всечеловеческого Добра — самое могучее проявление эгоизма человеческого рода перед лицом Творения.

3-9.18 Этот человек оставался холодным и равнодушным к чужим страданиям, пока не встретил на своем жизненном пути бездомного кита, зараженного СПИДом.

3-9.19 В этом человеке совсем не было чувства справедливости. И он знал это. Поэтому ему нужно было очень, очень много доброты.

3-9.20 Даже доброта может быть описана в терминах чисто экономических. Ибо так же, как есть производители доброты, так есть и потребители ее, и одни не могут жить без других. Кроме того, нормальное человеческое существование возможно только там, где предложение этого важного товара на рынке превышает спрос на него.

3-9.21 Эта женщина интересовалась только невыполнимыми делами: раз и навсегда отремонтировать дом, понравиться всем встречным и поперечным, спасти ребенка от еще непроявившейся болезни, избавиться навсегда от чувства вины и тревоги.

3-9.22 ЛЮДИ РАЗНЫЕ! Как ни странно, эта очевидная истина вызывает наиболее яростные протесты у поклонников справедливости. Ибо признать ее — значит признать, что справедливость на Земле невозможна. Ибо единый закон «правильно-неправильно» к *разным людям* заведомо неприложим.

3-9.23 Кролик, замороженный жалостью к удаву.

3-10. ВЕРА

3-10.1 Разговор с Богом: «Вы знаете, мне всё нравится в Вашем творении, за исключением венца».

3-10.2 Люди, активно борющиеся с религией, не замечают, что тем самым они все силы отдают на приближение и осуществление важнейшего из ее пророчеств — Конца света.

3-10.3 Религии приходят в упадок и оттого еще, что мы всё глубже погружаемся в мир вещей, окружаем себя изделиями рук человеческих, а на творения Бога, на Божьих рук дела смотрим лишь из окошек поезда.

3-10.4 Вера для жизни — то же, что известь для яблони: защищает от червячков сомнения.

3-10.5 Даже Толстой смог стать страстно верующим христианином лишь с того момента, когда обнаружил, каким именно образом он может служить делу Христа «всем своим разумением». Это и естественно — иначе куда бы он дел все гигантские силы своего разума?

3-10.6 Душа тянется ввысь, как цветок на стебле, а не как воздушный шарик на ниточке. Вы не можете освободить ее, перерезав то, что привязывает ее к земле, — только убить.

3-10.7 Каково веруешь? Каково мировоззреешь?

3-10.8 Догмат о Троице уразуметь так же не просто, как догмат о триединстве тезиса, антитезиса и отрицания отрицания. Ни там, ни здесь без веры не обойтись.

3-10.9 Неверно, будто материалистическая идеология не дает ответа на религиозные вопросы души. Она отвечает весьма полно и однозначно: «Брось ты об этой ерунде — плюнь и забудь». К сожалению, многих такой ответ устраивает.

3-10.10 Как ребенок, схватив подаренную игрушку, убегает в угол играть с ней и тут же забывает того, кто ее подарил, так и у нас часто любовь к жизни сильнее любви к Подарившему ее.

3-10.11 Жук много дней ползал в пустом стакане, повсюду натываясь на стеклянную стену. Вдруг он обнаружил, что стакан открыт сверху. Этот выход всё равно был ему недоступен, но ползание окрасилось для него новым светом. Не так ли человек обнаруживает Бога в мире?

3-10.12 Жизнь человека на Земле — такой короткий, такой ничтожный миг. Видно, у Господа идет здесь какой-то очень важный эксперимент, какая-то ударная стройка, если Он готов карать нас вечными муками за невыполнение производственной нормы. Размер нормы, при этом, хранится в тайне.

3-10.13 Если бы мы поняли, что слова ничего не могут изменить в окружающих нас людях, мы бы умолкли наконец. Но Господь всё не дает и не дает нам этого понимания. Неужели Ему интересны наши разговоры?

3-10.14 Говорят, что, когда Бог подтверждал в письменной форме свой завет с евреями на горе Синай, там, кроме десяти заповедей, был еще большой дополнительный кусок каменным курсивом, но он откололся от скрижалей и евреи его тщательно забыли. Не за то ли они так рассердились на Христа, что он попытался вернуть им потерянный текст?

3-10.15 — Значит, ваш Бог обижается, если его пишут с маленькой буквы? Какой чувствительный.

3-10.16 Во всем винить людей — тоже проявление религиозности. Здесь виден страх перенести вину на кого-то повыше.

3-10.17 Бог — это наша устремленность. Поэтому-то Он так многолик.

3-10.18 «Бог любит нас!» Что может быть кощунственнее этой идеи? Да за что нас любить — мелких, низких, трусливых, тупых?

Какое унижение величия Господня.

3-10.19 «Грешен, Господи! Нет на свете никого грешнее меня!» — это русский человек будет вопить с упоением, со слезами, почти с гордостью (хоть в чем-то — первый!). Но никогда, ни при каких обстоятельствах не уговорите вы его произнести простое и тихое: «Я был неправ».

3-10.20 Вы попадаете на прекрасную вечеринку, на веселый пикник. Знакомитесь с другими гостями, угощаетесь, выпиваете, флиртуете, красуетесь, танцуете, заводите дружбы, ссоритесь, женитесь, строите дом, пишете книгу, рожаете детей, сажаете деревья.

Вечереет. Скоро конец празднику. Вам приходит в голову, что хорошо бы отыскать Хозяина, представиться, поблагодарить за полученное удовольствие.

Так на закате дней рождается религиозное чувство у людей счастливых.

Рой четвертый

О СТРАСТЯХ ИСТОРИИ

4-1. ВОЙНА

4-1.1 Читал страшного Кафку во время лекции по гражданской обороне. Лектор-эпидемиолог монотонным голосом объяснял, как надо устраивать братские могилы.

4-1.2 Он ратовал за войну, потому что без войн совсем исчезают смелые люди, а смелые люди очень нужны, ибо, если их не будет, то как же мы сможем воевать?

4-1.3 Мне совсем неинтересно, как поведет себя человек перед пулеметом. И писать об этом, думать об этом, готовить его к пулемету — такое же преступление, как за тем пулеметом лежать и стрелять в него острыми пулями.

4-1.4 Шовен. «От пчелы до гориллы». Мысль об улье как об отдельном организме. Борьба за территорию среди животных, пограничные знаки, оставляемые на ветках, иерархия.

4-1.5 Борьба с природой так облегчилась, что не поглощает больше психическую энергию человечества. И куда же ее девать теперь, эту энергию? Ничего не поделаешь, надо воевать.

4-1.6 По истории видно, что, когда сталкиваются армии аристократических государств, то пленных офицеров после сражения приглашают к столу, а когда плебейских — ведут к стенке.

4-1.7 Замечательное описание войны в «Алом знаке доблести» Стивена Крейна. Это сближение и разбегание непрерывно стреляющих рядов, которые откатываются не тогда, когда «число убитых превысит число оставшихся в живых», а когда иссякнет невидимый заряд Воли Мы, великий поток её, способный увлекать людей навстречу смерти.

4-1.8 Большие народы гордятся своей силой и величием, а малые — тем, что они ухитрились выжить в соседстве с подобным величием.

4-1.9 У нас есть несколько миллионов человек, готовых мужественно погибнуть на войне, но ни одного — готового умереть за то, чтобы войны не случилось.

4-1.10 В рамках небольшого Мы — родового, племенного — эгоизм отдельной личности преодолевается полнее, самоотверженность имеет больше поощрения, готовность сражаться за своих — искреннее. Род создавал воинов самых отчаянных, поэтому моменты слияния родов в единое племя оказывались в истории взрывными, лежали у истоков самых гигантских по своим размахам нашествий — персидского, македонского, арабского, норманского, монгольского. Численность народа-завоевателя во всех этих случаях была относительно ничтожной.

4-1.11 Мало кто знает, что в Америке была не одна гражданская война, а две. Вторая длилась с 1920 по 1933 год и в 1929 году привела к ужасному бедствию — к Великому кризису. Народ восстал против «сухого закона». Бутлегеры были вооруженными отрядами восставших, и весь народ поддерживал их, платя миллиарды долларов за доставляемый ими самогон.

4-1.12 В Третьей мировой войне погибнут сотни миллионов людей, каждый из которых *точно* знал, что нужно сделать, чтобы войны не случилось: перерезать всех коммунистов, задушить американский империализм, отправить в душегубки всех жидов, слиться в любви к Христу, посадить всех неверных в большой-большой самолет и взорвать всех разом, и так далее.

4-2. ДИКОСТЬ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

4-2.1 В своем отношении к культуре и истории мы похожи на упорных водолазов, по кусочкам поднимающих со дна драгоценный груз кораблей, нами же и утопленных.

4-2.2 Бездна, отделявшая Юлия Цезаря от раба, несущего его носилки, гораздо меньше бездны, отделявшей Эйнштейна от его соседа по купе в спальном вагоне.

4-2.3 У людей появилась потребность *сказать* что-то друг другу — так возникла речь, пишет Энгельс в «Диалектике природы». У людей возросли потребности — появилось государство. Откуда потребности появились, почему — об этом ни слова. Ведь это кажется настолько естественным, чтобы весь набор потребностей среднего обывателя, каковым он являлся, когда-нибудь да появился. Всю задачу своей философии он видит в том, чтобы выяснить, в какой последовательности они возникали. Откуда взялись все другие, необывательские потребности — верить, сражаться, жертвовать собой ради ближнего, подавлять и унижать ближнего, творить, разрушать? Ясно откуда — из невежества и классовой ограниченности, с которыми-то мы, энгельсы, и покончим.

4-2.4 Есть что-то общее в тех окраинных странах Европы, которые, как утесы, принимали на себя нашествия турок, мавров, монголов. Отчаянная партизанщина в случае нашествия врага, тяга к социализму, недоверие к демократии — всё это одинаково характерно для Испании, Сербии, России.

4-2.5 Историческое движение человечества напоминает движение дождевого червя в толще земли, причем не только по медленности своей и извилистости пути, но и по этой смене периодов — то вытягивания вперед острия ищущей головки, то полное исчезновение ее в толще подтягиваемой массы. Похоже, что сейчас мы входим именно во второй период.

4-2.6 «Книга бытия» создавалась еще в ту пору, когда евреи были скотоводческим народом и нападали на осевших на землю соседей. Не потому ли добрый Авель — пастух, а злой Каин — землепашец?

4-2.7 Гигантские массы народов, отставших на пути технического прогресса, устремляются за ушедшими вперед и подминают их под себя. Так было при переходе от скотоводческого состояния к оседло-земледельческому, так происходит и сейчас, при вступлении в индустриальную эру. Там было «великое переселение народов», в наши дни отсталые начинают с внутреннего нашествия — с революции, но и там, и здесь ненависть к обогнавшим, жажда разрушить их мир — иррациональны и неодолимы. Похожа по своей структуре и ударная сила наступающих: военизированная орда, военизированная партия.

4-2.8 Инстинктивная неприязнь к цыганам и, в то же время, тайная зависть и тяга — к раскованности и свободе нам уже недоступной.

4-2.9 В сущности человеческие жертвоприношения в истории никогда не прекращались. Агамемнон приносит в жертву собственную дочь, чтобы добиться победы над троянцами. В средние века жгут и топят колдунов и ведьм, чтобы остановить чуму или засуху. А в наши дни, чтобы отвести голод и мор, можно казнить классовых врагов, диверсантов, расово-неполноценных, неверных, прислужников мирового сионизма. Как видим, выбор стал несравненно шире.

4-2.10 В телевизионных новостях показали женщин, идущих через пустыню Намибия. Каждое племя одевается по своей моде. В одном женщины были одеты в длинные цветастые платья и широкие шляпы. В другом — полуголые, с множеством металлических украшений на шее, руках, ногах. Согбенную старуху вели под руки, но и у нее между иссохших грудей болталась какая-то брошь. Некоторые были в пути два дня, другие — три, четыре. В конце пути все они входили в большое городское здание, где у них брали отпечатки пальцев и учили держать карандаш, чтобы они могли поставить крестик в нужной графе бюллетеня. После этого жрец в голубой каске ООН отрывался от компьютера и подводил их к своему некрасивому деревянному алтарю с щелью в крышке, куда они должны были опустить сложенную вчетверо бумажку. Некоторые женщины даже знали название обряда — ГОЛОСОВАНИЕ — и имя нового идола, которому их заставляли поклоняться: ДЕМОКРАТИЯ.

4-2.11 Древнеримский вопль «Хлеба и зрелищ» переводится на современный английский как «Welfare and TV!» («Пособие и телевизор!»).

4-2.12 Случайно ли, что богословские споры между Блаженным Августином и Пелагием совпадают по времени с последним сокрушительным наплывом варваров на Рим? Не отражает ли победа Августина в религиозной борьбе победу варварства в реальной жизни?

4-2.13 Сорок лет должны были скитаться евреи по пустыне на пути из египетского рабства в Землю обетованную. Сорок лет должны были бы положить себе русские на переход от коммунизма к демократии.

4-3. СТАБИЛЬНОСТЬ И БРОЖЕНИЕ УМОВ

4-3.1 Какое облегчение я испытываю при виде этих людей, всё еще занятых домино.

4-3.2 Что толку беспокоиться за человечество? Голод и пресыщенность — оно всегда будет болтаться между этими двумя пределами и никуда оттуда не денется.

4-3.3 Только очень прочное государственное устройство могло позволить себе роскошь терпеть внутри себя таких разрушителей, как Толстой и Достоевский.

4-3.4 Дуалистическое мировоззрение всегда необходимо содержит в себе элемент непрерывного страдания, ибо оно каждый момент осознает относительность дарованной нам свободы. Может быть, именно поэтому объединять целые народы удавалось только идеям цельным, монистическим.

4-3.5 Идеи действуют на толпу, как жар на воду: если идет сверху, получается только кипящая пенка на поверхности и по краям, если снизу — вода закипает всей массой.

4-3.6 Пыточный карцер в тюрьме для интеллигентов — целый день громко включена радиостанция «Маяк».

4-3.7 Смысл большинства собраний в СССР — торжественное, публичное, массовое отречение от собственной воли, от Я во имя Мы.

4-3.8 Многие порядки в советской империи установлены из принципа: «Мы бы и не стали запрещать, если бы не отдельные негодяи; вдруг найдется такой негодяй, что придет и воспользуется отсутствием запрещения в этом месте, и натворит делов? Нет, уж лучше мы запретим, так надёжнее.» Поистине — всё для негодяя.

4-3.9 Жизнь под облаком благословенной лжи.

4-3.10 На родительском собрании в школе учительница сказала: «Кем я довольна, это Вадиком Акимовым. Мальчик на глазах становится человеком и гражданином. *Он стал управлять*».

4-3.11 Ни одно из учений, захватывавших на протяжении человеческой истории гигантские массы, не было основано на логике.

4-3.12 — Ну, что вы мне говорите — Сахаров сделал то-то, еврейские демонстранты вывесили плакаты, татары требуют возвращения в Крым. Ведь всё это для дурачков! На самом деле всё у них расписано и договорено: кто выступит с протестом, кого посадят, кого пошлют на Запад. Нельзя быть таким наивным в наши дни. Вот недавно русский корабль перевернулся у берегов Нью-Джерси. А спросите себя — почему так, почему именно в этом месте? Да чтобы американцы могли спасти всех моряков, а президент потом пригласил бы их в Белый дом и на ланч в Макдональд. «Разрядка, дружба!» — вопят олухи. А у них там всё заранее договорено и подстроено, и ни один корабль без сговора не перевернётся. Ну, а газеты потом для дураков распишут — за то им и деньги платят.

4-3.13 Главный лозунг советской власти красовался не на стенах райкомов и крышах заводов, а под окошками старых трамваев и поездов. Он гласил: НЕ ВЫСОВЫВАЙСЯ.

4-3.14 В эпоху гласности газете «Правда» следовало бы поменять свой лозунг-эпиграф с «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на пушкинское: «Сбились мы! Что делать нам?»

4-3.15 Видеть страдания людей и не быть в силах помочь — с этим еще можно ужиться. Но когда у нас пытаются впридачу отнять наших любимых виноватых — коммунистов или буржуев, или евреев, или черных, или адвокатов, или неверных, или Белый дом, или нехристей, или гомосексуалистов, или военно-промышленный комплекс — это уже просто какая-то нечеловеческая жестокость.

4-3.16 Автобус идет ночью по горной дороге. Слева — пропасть, справа — каменная стена. Когда колеса приближаются к пропасти, пассажиры, сидящие слева, поднимают испуганный крик. Когда водитель поворачивает руль прочь от пропасти, сидящие справа объявляют его убийцей, задумавшим разбить их

о каменный откос. Так и в политических спорах между правыми и левыми стороны не хотят признать, что сидящий за рулем наверняка видит больше, чем сидящие у окон, — фары освещают ему хотя бы небольшой участок дороги. Не за шатания руля вправо-влево нужно обвинять правительство — они неизбежны на извилистой дороге. Но вот когда езда идет рывками, когда мотор то ревет, то умолкает, когда воняет дымом и бензином — тогда мы имеем право сказать, что пришла пора менять водителя.

4-4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И СТРАСТИ

4-4.1 Наша связь с прошлым оборвана насильственно и безобразно. Считается, что главное величие всего, что мы унаследовали, в том только и состоит, что теперь им владеем мы.

4-4.2 «Виги и тори, республиканцы и демократы, консерваторы и лейбористы, и все их споры и разногласия — ведь всё это несерьезно», — говорят коммунисты. И действительно: что серьезного может быть в партии, которая, придя к власти, не уничтожает первым делом все прочие партии?

4-4.3 Единственные люди, продолжающие вести жизнь частных предпринимателей даже при социализме, это профессиональные преступники и художники. Наконец-то всем станет ясно, какая маленькая между ними разница.

4-4.4 Художник на прогнившем Западе ковыряется в собственной душе. А наш? в собственном носу?

4-4.5 Москва — это то место, где река Лета вытекает из-под земли и широко разливается по поверхности.

4-4.6 Пока политика не превратилась в труп, именуемый История, анализировать ее законы так же трудно и опасно, как анатомировать живого человека.

4-4.7 Интересны попытки отречения от власти знаменитых тиранов и возвращение после народных просьб и воплей. Подобные спектакли устраивали Грозный, Годунов, Насер, Кастро. Оказывается, и Сталин в 1922 и 23-м году, как сообщает Авторханов, дважды просил освободить его от обязанностей генсека.

4-4.8 Тщетные надежды Сен-Симона и Пушкина на подлинную аристократию. Ее презрительное равнодушие к грязной работе управления государством, и отсюда — ее политическое безвластие.

4-4.9 Крокодил ухватил олененка у водопоя. «Немедленно отпусти! — завопили все звери. — У водопоя договорились не хватать!» — «Не вмешивайтесь, — процедил крокодил. — Он уже мое внутреннее дело.»

4-4.10 «За Советы без коммунистов!.. За Израиль без евреев!.. За рынок без капиталистов!..» Поистине — народ вечных мечтателей.

4-4.11 Советский вариант восклицания Фауста: «Остановись мгновенье! стрелять буду!»

4-4.12 Каких только проклятий не обрушивают русские антикоммунисты на Белинского, Чернышевского, Добролюбова и прочих революционных демократов, на всех этих «бесов»! Но при этом они не замечают, что догмат веры у них один и тот же: «Русский народ свят и невинен всегда, при любых обстоятельствах, во все исторические эпохи». Только те считали, что народ обманут помещиками, попами и чиновниками, а эти — что революционными демократами, коммунистами и либеральными интеллигентами.

4-4.13 Что за страсть к соединению мира — к «Царству трех» (Мережковский), к «Планетарному сознанию» (Михайло Михайлов) и прочим объединительным утопиям? Разве не видно, что все великие пророки были разделителями, проклинаемыми современниками, — Моисей, Сократ, Христос, Лютер, Толстой? А «объединителями» были Александр Македонский, Чингис-хан, Тамерлан, Наполеон, Гитлер, Сталин. И что может быть страшнее для людей, чем воцарившийся единый мировой порядок, который наверняка станет загнивать в бесчеловечной жестокости, потому что ни одно более свободное Мы уже не сможет бросить ему вызов извне?

4-4.14 В годы «холодной войны» нелегко было лидерам Третьего мира выбирать между двумя возможными кормильцами — Америкой и СССР. Шатнешься на сторону Америки — она потребует введения демократических послаблений, и полетишь ты вверх тормашками вслед за никарагуанским Сомосой, иранским шахом, филиппинским Маркосом. Шатнешься на сторону Советов — и кончишь там же, где индонезийские генералы, афганские партийцы, гренадский Бишоп. Что оставалось бедным диктаторам? Надеяться только на себя и питаться собственными подданными. Что они, в большинстве своем, и делали.

4-4.15 «Какой смысл бороться с мелкими злоупотреблениями, если зло — в самой природе современного общества?» — говорят максималисты Добра.

«Какой смысл мыться, если завтра я снова буду грязный?» — говорят дети.

Старинная мечта устроить общество раз и навсегда по законам добродетели немногим лучше мечты вымыться раз и навсегда на всю жизнь.

4-4.16 Если бы Достоевский в наши дни спросил — с того света, — что стало с Россией в веке двадцатом, самый вразумительный для него ответ должен был бы звучать так: пока Алеша, Иван и Митя спорили о высоких материях, всем домом и имуществом Карамазовского семейства завладел Смердяков.

4-4.17 — Что вы нас страшаете своим ГУЛАГом?! — говорит русскому эмигранту западный поклонник коммунизма. — У нас даже лагеря будут совсем другие.

4-4.18 Любая политическая и историческая проблема по своей сложности всегда остается за пределами возможностей индивидуального человеческого ума. Именно поэтому люди спорят на эти темы до полного истощения. Каждый хочет поскорее — любыми средствами — отстоять правомочность своих пристрастий. О, если бы мы с такой же страстью искали более глубокого осознания проблемы. Но нет — осознание сложности будет разрушительным для нашей бесценной правоты.

4-4.19 Уже было замечено, что в знаменитой гоголевской тройке сидит никто иной, как Чичиков. Печальный опыт двадцатого века показал, что другие народы и государства «посторанивались» лишь для того, чтобы поглядеть, как эта русская птица-колесница в какой-то момент дьявольским наваждением превратится в тачанку и под пулеметный треск рухнет в пропасть.

4-4.20 Многие американцы не идут к избирательным урнам только потому, что опросы общественного мнения предсказали им поражение, а они — как настоящие спортсмены — очень, очень, очень не любят проигрывать.

4-4.21 Человек не знает, что ему делать с сыном, который пропадает по ночам и покуривает наркотики. Человек не знает, как уговорить тещу не болтать по телефону за его счет. Человек не знает, как ему следует вести себя, чтобы сослуживцы начали приглашать его на свои вечеринки. Человек не знает, где найти слова и аргументы, чтобы доказать жене, насколько безумно в их положении покупать сейчас новый холодильник. Единственное, что он знает доподлинно и наверняка — как устроить наилучшим образом жизнь всех людей на Земле. И это последнее знание вы хотите отнять у него? И не стыдно?

4-4.22 Причина невероятных успехов коммунизма в XX веке кроется в том, что он объявил зависть самым похвальным чувством и назвал ее классовым чутьем. Миллионы завистников всех национальностей и вероисповеданий нашли легкий способ объединяться в могучие шайки. Теперь эти шайки пожрали всё, что могли, коммунизм разваливается, но зависть, пригретая им, остаётся и не дает прорасти ничему здоровому на выжженной почве.

4-5. БУНТАРИ И ОХРАНИТЕЛИ

4-5.1 Любопытно, что «Один день Ивана Денисовича» вышел ровно через сто лет после «Записок из Мертвого дома». У Достоевского тоже были цензурные затруднения, но другого рода: его просили добавить ужасов, потому что каторга выглядела слишком легкой и народ мог перестать бояться.

4-5.2 Они из всех сил стараются превратить нас из свидетелей в сообщников, и из этого ясно, что даже в них живет страх и смутное предчувствие Суда.

4-5.3 В сущности, между Ницше и Марксом различие не так уж велико. Один считает, что надо уничтожить побольше рабов и вырождаков, другой — что, наоборот, господ и угнетателей, но всё это — во имя некоего светлого царства будущего.

4-5.4 Русский царизм был свергнут не уличными беспорядками в Петрограде, а десятью генералами — командующими фронтами. Николай Второй послал им в начале марта 1917 года телеграммы, спрашивая совета, как ему поступить, и все они — за исключением воздержавшегося Колчака — ответили: ОТРЕКАЙТЕСЬ. (См. отчет следственной комиссии Временного правительства.) Об этом поворотном моменте не любят вспоминать ни коммунисты — умаляется роль революционных масс, ни их противники — рассеивается миф о горстке революционеров-заговорщиков, совративших с праведного пути матушку Россию.

4-5.5 На Литейном проспекте в Ленинграде ремонтировали парадный вход в Большой дом (штабквартира КГБ). Так и представляешь газетные статьи, посвященные окончанию ремонта: «Широко распахнулись гостеприимные высокие двери... Просторные помещения приняли первые партии посетителей...»

4-5.6 Народный способ оценивать власть у нас очень прост: чем она сильнее, тем лучше. Любая мягкость, гуманность воспринимаются как слабость, порча, вызывают презрение. «Что поделаешь — с нами иначе нельзя!..»

4-5.7 Культурная революция в Китае в 1966-68, студенческие беспорядки во Франции и США в 1967-68 – какой-то всемирный бунт двоечников.

4-5.8 «История вынесет свой приговор!» Звучит почти так же утешительно и является таким же самообманом, как реплика «там разберутся», бросаемая обывателем вслед «чёрной Марусе», увозящей очередную жертву в подвалы Чека.

4-5.9 Сколько раз большевиков выручал «камуфляж ничтожности»! Они выглядели ничтожными в эмиграции, поэтому никто всерьез не обратил внимание на их возвращение в Россию после Февральской революции. Они выглядели ничтожными еще летом 1917 года, поэтому Керенский вступил с ними в союз против грозно надвигавшегося на Петроград Корнилова. Они выглядели разбитыми летом 1919-го, поэтому белые генералы, наступавшие на Москву, начали спорить о будущей власти и упустили победу из рук.

Поистине, «поза ничтожности» должна изучаться в политике с тем же вниманием, с каким изучаются ядовитые змеи.

4-5.10 Наверное, и внутри растущего дерева идет скрытая политическая борьба. Наверное, веточки, нацелившиеся на запад, обзывают тех, кто нацелился на восток, опасными безумцами, а северные листочки обзывают южных грязными предателями. В конце концов образуется ровная крона.

4-5.11 Марксизм-ленинизм обмануть никого не может. К двадцати годам любой нормальный ум обнаруживает все его несложные хитрости. Но здесь-то и скрыта опасность. Ибо человек, одолевший в юном возрасте всевластную догму, как правило, переполняется гордостью и превращается в самоуверенного охломона, который воображает, что истина у него в кармане и дальше можно ничему не учиться.

4-6. СВОБОДА И РАВЕНСТВО

4-6.1 Равенство! Равенство! Думается, если бы катод и анод были живые, наверняка нашлись бы люди, которые сочли бы неравенство электронов великой несправедливостью и, из сострадания, устроили бы катоду и аноду короткое замыкание.

4-6.2 Трагедия России — в просторах, в том, что самые свобододолюбивые могли убежать в казаки. Народ из единого организма превращался в две касты, которые легко было натравливать друг на друга.

4-6.3 Так что же они такое — наши мечты о равенстве, о братстве? И не только наши, а и тех прекрасных душ, которым не было и не могло быть равных? Не есть ли счастье идти по улице в ликующей, победившей толпе всего лишь счастье недолгого освобождения от мучительного напряжения, испытываемого каждым кирпичиком здания, именуемого государство? Точнее даже не здания, а купола, ибо в куполе верхний кирпич так же напряжен, как и нижний. Не испытывает ли взорванный купол того же облегчения, как и государство, в котором победила революция? Или точнее было бы сравнить это счастливое облегчение с счастливым замиранием на верхней точке размаха качелей, ибо вслед за ним так же неизбежно следует движение в другую сторону, к новому, еще худшему гнету и напряжению? Не есть ли уличный, многодневный карнавал — имитация этого взрыва, этого ощущения братства и раскованности, временное освобождение, передышка от тягот неравенства, от иерархичности? И не потому ли в странах, не знавших традиций карнавала, революции оказывались самыми кровавыми и жестокими?

4-6.4 Люди вслушиваются в то, что говорит им книга, примерно так же, как узники в камере вслушиваются в то, что происходит за дверью. Там может появиться священник и прочесть им самую одухотворенную проповедь — они останутся равнодушны. Подойдет учёный, чтобы рассказать о новейших открытиях, — они не поднимут головы. И лишь тогда заблестят их глаза, забьется сердце, напрягутся мышцы и нервы, когда за словами и шагами подошедшего расслышат они дивный, неповторимый звук — звяканье ключа о замок.

4-6.5 С точки зрения воспитания, ясно, что подросток всегда будет принимать за образец тот максимум индивидуальной свободы, который доступен его взору и пониманию. В моё время это были уголовники.

4-6.6 Идея равенства всех людей была так прочна во мне не потому, что её вбивали в меня в школе, а, наоборот, потому что я втайне вынашивал её как самостоятельное и гонимое убеждение в том, что буржуи, помещики, капиталисты и дворяне — такие же люди, как мы, и их так же жалко, когда убивают.

4-6.7 От гуннов убегали в Рим, из Русского царства — в Литву и Польшу, из Испанской империи — в Голландию и Англию, из Восточной Германии бегут в Западную, из Китая — в Гонконг и на Формозу, из Вьетнама — куда глаза глядят. Наоборот, каким тяжким наказанием был ostracism в Афинах, изгнание — во Флоренции. Так сколько же можно спорить о свободе в государстве? Посмотрите, куда бегут люди, — и всё станет ясно.

4-6.8 Государственный переворот можно произвести за одну ночь. Но учредить демократию на месте автократии — на это всегда уходит около ста лет. Примеры: Афины, Рим, Голландия, Англия, Франция.

4-6.9 Люди, попрекающие Бога наличием зла и страданий в мире, похожи на детей, которым принесли в подарок дивный торт — дар свободы, — а они, отведав его, через некоторое время начинают хныкать, жаловаться и спрашивать, почему всё остальное — деревья, стул, тарелка, лампа, кровать — не из крема и шоколада.

4-6.10 Мы лезем ко всем народам, навязывая им демократию, выборы, правление большинства. Но мы забываем, что эта — столь дорогая нам — система не учитывает *силы* человеческих желаний. Если проигравшее меньшинство *очень* хотело резать евреев, армян, неверных, оно будет страдать несоизмеримо сильнее от невозможности делать это, чем страдало бы равнодушное большинство от зрелища поездов, идущих в Дахау, Освенцим, Катынь. Вот почему демократия есть учреждение безжалостное, с человеческими страданиями не считающееся.

4-6.11 Судьба русских поклонников демократии в 20 веке повторяет сюжет «Сказки про трех поросят». Они выстроили в марте 1917 года соломенный домик российской демократии, но появился откуда ни возьмись злой волк Ленин, дунул на домик октябрьским ветром — и пришлось им спастись в Европу. В Европе братья приютили их в более прочном — бревенчатом — домике, но и его сдул злой волк Гитлер. С тех пор русские демократы предпочитают жить в кирпичном доме американского брата, но при этом поносят его последними словами: ни вкуса, мол, ни воздуха, ни изящества, грубая каменная коробка, всё сделано неправильно — фи!

4-6.12 Традиционная любовь русского интеллигента к народу — это по сути любовь к прекрасной невинности, гарантируемой рабством. В свободе же человек, как правило, омерзителен — ибо ответствен за каждый свой промах, за каждый проступок, за каждую слабость.

4-6.13 «Вы сначала дайте людям полную свободу, а потом и требуйте от них добродетелей и чувства собственного достоинства», — восклицают народопоклонники. Между тем, в мировой истории всегда было наоборот: путь к свободе начинался с признания собственной ответственности, то есть греховности. Недаром библейские пророки не боятся обличать сам народ — это страшнее, чем набрасываться на одних правителей.

4-6.14 Отнятие у народа свободы есть сообщение ему мгновенной и поголовной невинности, а потому должно приветствоваться двадцатью артиллерийскими залпами.

4-7. ВЫБОР МЕЖДУ ВЕДЕНИЕМ И НЕВЕДЕНИЕМ

4-7.1 Очень часто искусство отражает не свое время, а как раз то, что этим временем утрачено. В этом смысле можно сказать, что художник есть орган, через который общество осознает свои духовные утраты, свою боль. Причем, когда боль становится невыносимой, художника убивают или изгоняют.

4-7.2 С так называемым естественным человеком всё уже ясно — ясно, что он прекрасен, счастлив и спасется, как все нищие духом. Меня же интересует, нельзя ли что-нибудь сделать и для тех несчастных, для умников, интеллигентов и самокопателей, которым никак уже не вернуться к этой естественности, а жить всё-таки надо.

4-7.3 Всё мировое вранье можно разделить на три разряда:

- а. Вранье по глупости и легкомыслию.
- б. Вранье из благородных побуждений.
- в. Вранье по коварству и злобе.

Как это ни странно, последнее встречается реже всего. Если бы покончить с первыми двумя, то можно было бы считать, что мир стал честен.

4-7.4 Инквизиция уничтожала избравших ведение, обламывала острие воли. Мы — вот принцип, по которому выбирались жертвы. Та же закономерность проступает и в других исторических ситуациях, когда террор обрушивался на лояльных, недоумевающих подданных и выглядел иррациональным.

4-7.5 Разве есть разумный смысл и оправдание тому, что я делаю, публикуя «Метаполитику»? Ведь это страшный донос, донос на всех, кого я люблю или мог бы полюбить в будущем, на всех, выбирающих ведение. Это инструкция к их обнаружению — а значит и к уничтожению, — объяснение опасностей, какие они несут неведущим одним фактом своего существования, в общем, гнуснейшее предательство... Вся надежда на то, что неведущие заснут, не дочитав доноса до конца.

4-7.6 О жизни и людях мы не знаем лишь того, чего не хотим знать.

4-7.7 Страшны уроки истории, кровавы. Но Боже, как ленивы, как неисправимы, как непробиваемы ученики!..

4-7.8 Создавая человека, Отец наш небесный, видимо, не был уверен, что это существо сможет выдержать боль от — единственно ему дарованного — сознания своей смертности. Чтобы защитить нас, Он добавил нам глупости, слепоты, умения не знать, не видеть, не помнить. Ох, уж эта мне родительская заботливость...

4-7.9 Можно жить, имея всегда масло в светильнике своем или не имея; с пустым светильником или с полным. Это и есть разница между веденьем и неведеньем. «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий (Матфей, 25:13)» — вот призыв Христа к выбору веденья.

4-7.10 Все помнят Нагорную проповедь Христа, но мало кто вспоминает проповедь на горе Елеонской (Матфей, 24, 25) — страстное, многократно повторенное требование быть готовым в любой момент к приходу Господина, бодрствовать, держать лампы, наполненные маслом, светильники — горящими, чресла — препоясанными. То есть призыв к выбору веденья! Коли Христа не хотели услышать, что же удивляться, что мои разъяснения о выборе веденья — горящего светильника — оставляют людей равнодушными?

4-7.11 Даже Орвелл удивился бы, если бы узнал, что люди, причислившие Риббентропа и Геббельса к евреям, назовут свою шайку «Память».

4-7.12 О выборе ведения трогательно сказано у Пушкина: «...Но строк печальных не смываю».

4-8. БЕДНОСТЬ И ПРОЦВЕТАНИЕ

4-8.1 Нам во всем приходится кустарничать — самим вставлять стекла, ремонтировать холодильники, вязать и шить одежду, переписывать на пишущей машинке интересные нам книги. И даже здесь, в таком тонком деле, которое уж точно должны были бы делать для нас профессионалы, нам приходится корпеть самим и в одиночку, урывками, сочинять своё собственное кустарное литературоведение.

4-8.2 Несмотря на все трудности и неудобства, нам всё же удалось разместить фабрики и склады в бывших церквях, конторы — в дворцах, «соки-воды» — в часовнях.

4-8.3 Прежде чем дать человеку яблоко, они долго объясняли, какая это была бы для него утрата, если бы он никогда в жизни не вкусил этого фрукта, каким бедным и скудным было бы его существование, потому что яблоко — это не просто яблоко, а целый мир образов, ассоциаций и витаминов, и ля-ля-ля, и ла-ла-ла. Во время всех этих объяснений яблоко лежало тут же на столе.

4-8.4 Если у мусульман ханский гарем символизировал предел возможных земных наслаждений, то в наше время роль такого символа взял на себя мир литературы, с его цэдзэлами, дубалтами, коктебелями, поездками за границу и прочим. При этом забывают, что проникнуть в сей рай земной, как и в ханский гарем, можно только сделавшись евнухом.

4-8.5 Раньше было ясно, кто трудится, кто тунеядствует, кто грабит, кто проживает наработанное другими. Теперь всё скрыто: и грабитель, и тунеядец, и труженик едут рядом в метро на работу, на службу, все одинаковые, завтрак в портфеле.

4-8.6 Старый крестьянин решил, что ноги у него теперь начали болеть оттого, что пятьдесят лет назад, в 1920-е, он слишком усердно работал на своем участке. «На Ленина я в обиде, — жаловался он мне. — Зачем землю мужикам дал? Вот и приходилось работать, надрываться. А то ведь дети выросли бы, сказали — ты зачем так мало земли себе взял, когда давали, чего не работал? хуже других что ли?»

4-8.7 Символ советского благополучия и преуспевания в наши либеральные дни: том Мандельштама (с предисловием Дымшица), густо намазанный черной икрой и прижатый сверху томом Пастернака (с предисловием Вознесенского).

4-8.8 Название для совместного советско-западного предприятия: «Авгий и Сизиф со товарищи» (Augeas & Sisyphus, Inc.).

4-8.9 Реклама напояет меня самоуважением. Пусть даже у меня в кармане последний доллар, а всё же эти шикарные красавицы в соболях и мерседесах — с обложек журналов, с экрана телевизора — продолжают за ним — за моим последним! — без усталости охотиться.

4-8.10 Есть мнение, что американцы боятся атомной войны меньше, чем европейцы. Почему? Да потому что архитектура их так уродлива, что они надеются потом всё выстроить заново.

4-8.11 Интересно, что страховые компании почти не занимаются рекламой. Зачем? На них бесплатно работают новости: все эти пожары, смерчи, наводнения, катастрофы...

4-8.12 В одном американском фильме Сьюзен Сарандон играет очень бедную девушку. Она красива, умна, но так бедна, что ей приходится работать в устричном баре игорного дома. Она мечтает подняться на следующую ступеньку — получить должность банкомета у игорного стола. Но это не так-то легко. По вечерам, чтобы отбить отвратительный рыбный запах, она моет руки лимонами и апельсинами. Ставит на стол блюдо полное фруктов, разрезает апельсин и трет его половинками запястья, локти, плечи. Потом выбрасывает.

Нелегко русскому зрителю будет понять драму этой американской бедняжки.

4-8.13 Бедный американец заболел раком, а денег на лечение нет. Что делать? Он пошел грабить банк, попался, сел в тюрьму. А в тюрьме-то лечат бесплатно! Вот он свой рак вырезал, два года отсидел и вышел здоровенький.

4-8.14 В послевоенной России дети говорили друг другу: «Спорим на американку!» То есть, если я выигрываю, ты исполняешь любое мое желание. Не крылось ли здесь подсо- знательное представление об Америке как о стране, где всё исполнимо и всё возможно?

4-8.15 Генсек Горбачев ясно осознал в начале своего правления, что питье, всегда бывшее веселием Руси, пошло как- то наперекосяк. Чтобы выровнять его нужно было либо увеличить количество закуски, либо уменьшить количество водки. Но увеличивать всегда труднее, поэтому он, со вздохом, начал антиалкогольную компанию. Народ взроптал. Тогда он принял решение, которое в подобной ситуации принял бы любой русский хозяин: «Главное, чтобы выпивка была, — а закуску пусть привезут иностранные гости.»

4-8.16 И при гласности противоборство остается всё тем же: между открытым для всех рынком и закрытым распреде- лителем. Улучшите снабжение распределителя — и сторонникам перестройки больше ничего не будет нужно. Но попробуйте всерьёз закрыть закрытый распределитель — ого! Тут я вам не позавидую.

4-8.17 Американские бездомные — это те же древне- русские юродивые. И так же нам чудится в них что-то зага- дочное, что-то не от мира сего.

4-8.18 Швецию даже социализм не в силах погубить, а Бразилию, например, даже капитализм не спасает. Видимо, есть на свете что-то поважнее экономики.

4-8.19 Как трудно инопланетянину будет понять, кто или что правит нами.

Вот он приближается к нашей Земле, видит странное свечение ночных городов. Опустившись на высоту одного километра, он различит движение машин по дорогам и улицам. Еще ниже — и ему откроются странные двуногие существа, перемещающиеся внутри машин, управляющие ими. Он опустится на твердую поверхность Земли, смешается невидимый с невидан- ными, будет изучать их нравы, еду, дыхание, кровообращение. Но сколько месяцев или лет или веков должно пройти, прежде чем он догадается, что всеми ими правит, всех их контролирует, посылает утром в одну сторону, вечером — в другую — крошечная тикающая машинка, укрепленная у каждого на запястьи.

4-8.20 Да, технология индустриального мира достигла такого уровня, что две трети людей могли бы уже лежать и ничего не делать. Проблема состоит в том, *как научиться лежать и ничего не делать*.

4-8.21 В разгаре борьбы с великим кризисом 1929 года Франклин Рузвельт объявил страх главным врагом и поставил его вне закона. В 1990 году Горбачеву следовало бы объявить вне закона зависть. Но, похоже, ни у него, ни у других лидеров не хватает духу замахнуться на этого главного врага россиян.

4-8.22 На поверку оказалось, что коммунистический рай — это не социализм плюс электрофикация, а капитализм плюс эротизация всей страны.

4-8.23 Сострадательность американцев к обездоленным соотечественникам так велика, что Америка может ступить на путь военной агрессии и территориальных захватов в тот момент, когда общественное сознание решит, что каждый — каждый! — американец должен иметь своё собственное поле для гольфа.

4-9. МОРАЛЬ И ПРАВЫ

4-9.1 Авторы советских школьных учебников и учителя литературы пытаются приукрасить и облагородить великих классиков, будто не верят и не представляют себе, чтобы их можно было любить блудящими, выпивающими, играющими на рулетке или болеющими мелкими, пошловатыми болезнями, полученными вне царских застенков.

4-9.2 Все условности, законы и морали, которые мы привыкли осуждать за то, что они якобы уродовали и ограничивали искренние чувства литературных героев, на самом деле являлись для этого чувства необходимым сосудом, дававшим ему форму и длительную жизнь. Без этого сосуда чувство расплылось бы во что-то хаотическое, несущественное и мимолетное, как лужа вина на рыхлой земле. Писать, во всяком случае, было бы не о чем.

4-9.3 Эти писатели и моралисты хотят привить каждому человеку непрерывное страдание — муки совести. Какие негодяи!

4-9.4 Вы ратуете за влияние литературы на жизнь? А как насчет самоубийц, которых находили с Гётевским «Вертером» в кармане?

4-9.5 Лозунг для ЗАГСА: «От недоступности — к материнству».

4-9.6 Запутавшийся в добре и зле народ сказал «нет худа без добра» и успокоился.

4-9.7 Прямая проповедь как бы хватает человека за шиворот и больно вталкивает носом в некую дверь из многих. Настоящее же искусство распахивает перед ним ту же самую дверь и обещает за ней такие соблазны, что он входит в нее сам, украшенный собственным достоинством и доброй волей.

4-9.8 Современники возмущались духовными безднами и «грязью» в книгах Достоевского, а мы теперь говорим, что он был прав, потому что оглянитесь-ка — он всё предвидел

правильно, так ведь все и произошло. Но найдутся еще и такие, которые скажут, что он-то всё это сам и натворил — своими руками, своими книгами.

4-9.9 Обидчивость как национальное бедствие.

4-9.10 Нравственный суд, который автор всегда творит над персонажами, взваливает на него сразу все роли. Он и судья, но избавленный от необходимости выносить приговор и наказывать; он адвокат, не получающий деньги с подсудимых; он прокурор, не требующий казни; он следователь, которому не нужно далеко ездить за уликами — не дальше своей души. Он бог в четырех лицах, он самое главное, что потрясает нас в любом произведении, как бы он ни пытался там прятаться и растворяться. Он важнее всех персонажей, важнее всех событий, даже исторических, потому что, что же они, эти события? — они были и прошли, как Бородинская битва, а Толстой остался интересным и для нас сегодняшних — хотя бы своим переживанием этой битвы.

3-9.11 Больше боялся высоких слов, чем низких поступков.

4-9.12 — Оптимизм, п-аете! Оптимизм и бодрость любой ценой! Кровь из носу, а чтобы был мне оптимизм!

4-9.13 Пьеса «Вагон смертников». Месячное путешествие. — Как вы проводите свой последний месяц?

4-9.14 Неразрешимость вопроса о добре и зле должна вселять не отчаяние, а наоборот, надежду. Сия неразрешимость, как ничто другое, обещает человечеству вечную жизнь, ибо только в момент отыскания ответа на этот вопрос жизнь человечества может прекратиться.

4-9.15 Сущность этики последних трех тысяч лет: твоя воля может и должна являть свою свободу, расширять царство своего я-могу, однако отнюдь не за счет захвата и ущемления я-могу ближнего.

4-9.16 Ребенку безразлично всё, что произойдет за пределами данной минуты, подростку — за пределами часа, обывателю — его собственной жизни, политику — жизни народа, гуманисту — жизни человечества, мудрецу — вечности.

4-9.17 Безнравственность лжи имеет абсолютный характер только в общественных отношениях. Ведь слово — единственная форма связи между людьми, и всякая ложь ведет к разрыву этой связи. В отношениях же личных возможна «ложь во спасение», ибо там нравственное содержание слова зависит лишь от мотивации. Толстой вслед за Христом не придает большого значения лжи, ибо и тот, и другой с безразличием относятся к обязанностям человека перед обществом, перед Мы. Кант же, наоборот, ставил правдивость превыше всего.

4-9.18 Сострадание — это боль Мы. Именно поэтому гипертрофия сострадания может стать для общества столь же опасной, как преувеличенная чувствительность к боли у отдельного человека.

4-9.19 Только на том основании, что им принадлежит будущее, они хотят захватить и настоящее? Какая наглость!

4-9.20 Ежеутренняя молитва американца: «Господи, о, Господи, сбереги и помилуй: не дай и сегодня замешаться ни во что!» (O, Lord, please don't let me get involved today.)

4-9.21 — Если у меня будет всё по закону, — объясняют некоторые поклонники правового государства, — мне ведь и совесть не нужна.

4-9.22 Единственное хорошее дело советской власти — что она навсегда избавила нас от обязанности покаянного и заискивающего народопоклонства. Но страстные русофилы не хотят воспользоваться даже этим ее благодеянием и с той же яростью требуют, чтобы мы каялись и бились лбом о каменные ступени, ведущие к подножию их любимого идола.

4-9.23 Я долго не мог понять, каким образом фаталистические учения могли увлекать за собой миллионы последователей. Например, мусульманство. Или кальвинизм, утверждающий, что каждый предопределен еще до рождения либо к вечному спасению, либо к гибели. Или марксизм, обещающий неизбежный приход бесклассового общества. Или нацизм, пророчащий непременное торжество высшей расы. Если что-то предопределено — зачем тратить силы, рисковать жизнью, пытаясь приблизить приход обещанного царства Высшей справедливости?

Потом до меня дошло, наконец: люди вовсе не рвутся умереть за справедливость. Они просто хотят оказаться с теми, кому победа гарантирована.

4-9.24 Каково изящной словесности в нашем веке угнаться за шедеврами прошлого, если реальный граф Валленберг сумел пересидеть в тюрьме выдуманного графа Монте-Кристо чуть не втрое, а от гибели спас столько людей, сколько не спасли все Айвенги и д'Артаньяны вместе взятые?

4-9.25 Что редкость — то вызывает наше невольное восхищение, а восхищение вызывает преувеличенный рост цены — крупной жемчужины, «Ирисов» Ван Гога, греческой вазы, гитары Элвиса Пресли. Я вдруг задумался: а не преувеличивал ли я с детства ценность справедливости только за то, что она была так редка в окружавшей меня жизни? Зато после переезда на Запад я обнаружил, что акции ее здесь стоят очень низко. Но опять же, это не потому, что она никому не нужна здесь, а просто потому, что здесь она не является редкостью.

4-9.26 Изобретать панацею для бед нашего бренного мира — упоительное занятие! Если даже больной откажется принимать ее, у тебя остается блаженное право перестать его жалеть.

4-9.27 В конце 1989 года в музее Метрополитен (Нью-Йорк) была огромная выставка Веласкеса. Я впервые обратил внимание на то, что на его картинах — ни одного улыбающегося лица. Не до смеха, видать, было испанцам в 17-ом веке. Но почему? Евреев изгнали, Америку открыли, морисков перебили, страну объединили... Казалось бы — живи и радуйся. Ан нет.

4-9.28 Так как в России всегда были, есть и будут миллионы людей, привыкших доверять только внешности, арабы легко смогут завоевать ее без единого выстрела — стоит только похожему на Блока Муамару Кадаффи договориться с похожим на Сталина Саддамом Хуссейном, и весь возможный диапазон российского поклонения будет охвачен.

4-9.29 Вы не верите, что бездомный человек может выбрать свою судьбу добровольно? А как же быть с блудным сыном из Библии?

4-9.30 «Люди очень разные», — задумчиво повторял маркиз Де Сад, привязывая очередную жертву к спинке кровати.

4-9.31 — Нет, не слепым самодовольством переполнен ты, а научно обоснованным сознанием расового превосходства.

— Нет, не чёрной завистью объята душа твоя, а высоким чувством классового долга.

— Нет, не злоба клокочет в твоём сердце, а гордая страсть патриота, встающего на защиту страны своей.

— Нет, не мысль о собственном ничтожестве томит тебя, а страстное желание направить неверных на путь истины, заставить их упасть к ногам Аллаха, Будды, Христа, Яхве.

Как упоительно слушать эти объяснения!

И как трудно молодому человеку в наши дни сделать правильный выбор между расизмом, коммунизмом, национализмом, фанатизмом. То-то будет всеобщий восторг, когда эти четверо наконец-то перестанут ссориться и объединятся под эгидой какого-нибудь нового фюрера в чалме или ушанке.

4-10. КУЛЬТУРА И НЕВЕЖЕСТВО

4-10.1 У советских редакторов многие обычные слова вызывают повышенную настороженность, окрашены грозно-сакральным смыслом : знамя, прогресс, еврей, барабан, отцы и дети, граница и т. д.

4-10.2 Однажды на выставке современного искусства в Русском музее увидел скульптуру — голая девушка с мокрыми волосами сидит на камне. Подивился пропущенной безыдейности, но потом прочел табличку с названием: «С боевым заданием через реку Свирь».

4-10.3 Очевидно, в каждую эпоху новая культура создает новые ценности и теряет старые, так что образованным людям всё кажется мелко и ущербно вокруг. Они окружают себя негритянскими масками, японскими гравюрами, иконами, старинными гобеленами, медной утварью, вышитыми рушниками... Но не нужно думать, будто здесь нет ничего, кроме снобизма. Возможно, что за этим стоит смутная жажда вырваться из рамок времени и хотя бы внутри себя и своего дома создать иллюзию всемирной культуры и гармонии.

4-10.4 Сейчас издают «избранное», а скоро будут издавать «уцелевшее».

4-10.5 Литературная критика нужна лишь для того, чтобы взвинчивать, подхлестывать мое — читателя — переживание о прочитанном, чтобы провоцировать на размышление, на спор. В этом смысле неверная, но острая критика лучше отвечает своей задаче, чем так называемая «правильная», изрекающая аргументированный, справедливый и бесцветный приговор.

4-10.6 И эти военные фильмы, где оглушительная стрельба красиво вписывается в паузы диалогов.

4-10.7 Если идти за Шарденом («Феномен человека») и быть последовательным, то у человечества есть следующие перспективы:

а. Выродиться совершенно, погибнуть, превратиться в такую же отсохшую ветвь, в отброшенный эволюцией вариант, каких уже было отброшено множество в живом мире.

б. Стабилизироваться и застыть в виде социологического животного, наподобие пчел и муравьев. (Необходимое условие для этого — вытеснение самцов самками и выравнивание индивидуумов по врожденной свободе воли.)

в. Оказаться заключительной реакцией того процесса гниения земной поверхности, который называется «жизнь на Земле», и взорвать ее, как забродивший компот взрывает стеклянную банку.

Возможны еще варианты г, д, е и так далее (все — дивные темы для научной фантастики), но только не тот, на который надеется сам Шарден (достижение Омеги).

4-10.8 Всякий персонаж истории или культуры, завоевавший так называемую мировую славу, социальный мыслитель вправе рассматривать как результат гигантского опроса, проведенный без его — персонажа — участия, но дающий однозначный ответ: здесь было что-то нештучное.

4-10.9 Нельзя говорить о народах «хуже—лучше», но можно говорить об особенной художественной одаренности итальянцев и французов, военной и умственной — немцев, политической — римлян и англичан, религиозной — евреев, и о непревзойденном долготерпении русских.

4-10.10 Если правда, что художник всегда стремится восполнить духовные утраты в окружающем его мире, то Пушкин, занявшийся политической историей, Гоголь — нравственным поучением, Толстой — религиозной проповедью и теологией, не указывают ли нам на главные провалы, пустоты в русской духовности XIX века?

4-10.11 Правду убить нельзя. Надо сделать ее силой, и тогда она умрет сама собой.

4-10.12 Способность сосредоточить свой ум на чем-нибудь одном, сосредоточить надолго, есть, в сущности, форма аскезы. Всё обучение в современных школах есть в значительной мере цепь алгебраическо-грамматическо-аскетических упражнений. Но так же, как аскеза сама по себе не делает отшельника святым, так и школа не может сделать человека образованным.

4-10.13 Своими ушами слышал, как работник пожарной охраны в Публичной библиотеке попросил на абонементе книгу Брэдли «451 градус по Фаренгейту». Велели прочесть как подготовительную инструкцию?

4-10.14 Иногда собственная банальность начинает так мучить человека, что он принимается вслух доказывать, что Иван Грозный никого зря не убивал, что Сталин был глубокий мыслитель, что комендант Дахау больше всего на свете любил цветы, что Хрущев был недооцененный политический гений и великий миротворец, что Мао Цзе-дун с трудом отвлекался от поэзии для государственных дел, и т. д.

4-10.15 Если бы литература могла оказывать положительное воздействие на жизнь общества, то как в стране Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова, Блока могли воцариться большевики? А в стране Гёте, Шиллера, Гейне, Томаса Манна — нацисты? И с другой стороны, как это старейшая в мире демократия — Швейцарская — живет себе уже 400 лет без великих писателей и горя не знает?

4-10.16 Многие американские школьники не знают имен Сталина, Гитлера, Муссолини. Мы возмущаемся, пытаемся бороться с их невежеством, пытаемся передать им наши знания и наши страхи. А они сопротивляются — и правильно делают. Потому что лучшая форма мести тиранам — не помнить их имен.

4-10.17 В Америке видным литераторам никак нельзя уже сказать что-нибудь вразумительно-банальное. Не то их осмеет княгиня Марья Алексевна Зонтаг.

4-10.18 Тех, кто перейдет на сторону врага, называют предателями и презируют как свои, так и чужие. Ну, а как насчет вражды поколений? Коперник, Спиноза, Гус, Галилей — разве не изменили они своему поколению ради неведомых будущих людей? Кьеркегор, Шопенгауэр, Кафка, Ван Гог, Модильяни и прочие непризнанные гении — разве не изменяли они своим современникам ради нас? Они, в сущности, перебежали на нашу сторону — так зачем же мы восхваляем их? Зачем сбиваем с толку своих детей, которые так же захотят перебежать и изменить нам?

4-10.19 Очень бедный и очень любящий богатство человек порой хватается за культуру как за последнюю надежду приобрести капитал. Но его нуворишскую суть всегда выдает чванство культурой. Восхваляя ее, он просто взвинчивает цены на свое призрачное владение. «У вас толстая мошна и обильная жратва, но нет стиля, нет изящества, нет культуры!» — вопят советские культуртрегеры, разъезжающие в горбачевские времена по Америке.

Такой человек напяливает культуру, как дубленку, он садится в культуру, как салятся в «чайку», он намазывает культуру, как икру на семгу, он возмущается, когда чернь пускают в закрытый распределитель культуры.

О, нищета культуры!

4-10.20 Строя соборы, сочиняя книги, высекая скульптуры, делая научные открытия, мы просто на разные лады пытаемся разрушить проклятье нашей мимолетности.

4-10.21 Исследуя роль прессы в американской социальной жизни второй половины XX века, историки будущего могут выдвинуть гипотезу о том, что журналистам было дано секретное задание: описывать Америку в таких красках, чтобы иностранцы никогда не узнали, какая это богатая и счастливая страна, и не захлестнули ее ненасытной иммигрантской волной.

4-10.22 Людям счастливым и людям несчастным нужны разные писатели.

4-10.23 Культуре пристало быть бедной. Соединение культуры с богатством случается крайне редко и называется аристократизм.

Р о й п я т ы й

П Е Р Е Х О Д Я Н А Л И Ч Н О С Т И

5-1. О КЛАССИКАХ

5-1.1 Первоклассник сказал, что вырастет и станет писателем.

— Нет, Валерик, это не так просто, — говорит ему учительница. — Если нет особого дарования, писателем не стать.

— Стать, стать! — плачет Валерик. — Мне не нужно дарование. Нужно только крепко запомнить свою автобиографию и потом записать. Как Горький.

5-1.2 Бальзак, разоблачавший пороки общества, так ими упивался в процессе писания, что, когда его герои колеблются между добродетелью и развратом, очень хочется, чтобы они плюнули на скучную и фальшивую добродетель и поскорее ударились в блистательный разврат. А у Толстого, наоборот, разврат и вправду скучен.

5-1.3 Вот какие обороты позволял себе Лев Толстой: «Напухшие жилы»; «подвязанный чиновник»; «перевязанные ниткой ручки ребенка».

«Китаева говорила, ныряя головой в шляпе...»

«В первой комнате был молодой чиновник в вицмундире, с чрезвычайно длинной шеей и выпуклым кадыком и необыкновенно легкой походкой, и две дамы».

«С громкими криками проскакали телеги, видно, в последний раз».

В наши дни всё это легко могло попасть в сатирический раздел «Из корзины редактора».

5-1.4 «Тихая область бедной жизни замкнулась в себе и тяжело грустила и томилась». Думаете, Андрей Платонов? А вот и нет — Федор Сологуб.

5-1.5 Глядя на картины Леже, хочется сказать: «Боже, какая наглость».

5-1.6 Слово с лазейкой у Достоевского, неокончательное слово.

5-1.7 На выставке Фалька. Десятые годы — праздник жизни, вдохновенный Сезанном, двадцатые — что-то еще живет, после — доживает.

5-1.8 Толстой часто вскрывал внешнюю оболочку лжи нашей жизни и это выглядело проявлением мудрости, проницательности, честности, потому что к этим вскрываемым им условностям никто уже и не присматривался. (Например, оперный театр, исповедь у священника и т.п.) Но это первое впечатление часто пропадает, ибо ощущение лжи содержится только в верхней оболочке, а дальше идет уже правда, а потом может быть снова ложь, и неизвестно, сколько еще оболочек окружает Божественную сущность предмета.

5-1.9 Толстой иногда самую дорогую свою мысль вкладывает в уста героя и тут же как бы со стороны и свысока посмеивается над ней и над героем, отчего возникает впечатление некой сверхмудрости автора, для которого вот даже такая гениальная мысль — и то хаханьки.

5-1.10 У Фолкнера подход к важному моменту повествования всегда упреждается такой примерно косноязычной тирадой: «...и это произошло как раз в ту зиму, когда Джек-маленький всё Рождество гонялся за пегой лошастью, которую Том Филлингс выменял ему за старую веялку, не ту веялку, что стояла на ферме старого Флема и под которой тискались все парни со всеми девчонками Французовой балки, а ту другую веялку, с треснутым лотком...» и так далее. В эти же годы в другом полушарии еще один писатель самостоятельно научился превращать косноязычное многословие в искусство — Андрей Платонов.

5-1.11 У всех забытых нами редакторов Бабеля и Платонова, Зоценко и Олеси наверняка было в глубине души вздыхающее и снисходительно-надменное чувство, что, мол, «да, конечно, они талантливы, очень талантливы, но насколько выиграли бы их произведения, если б они во-время поняли и учли наши замечания и поправки».

5-1.12 «Это совершенная правда, — сказал Гоголь про хвалебную статью Белинского о нем. — Только не понимаю, чем он после этого восхищается в повестях Полевого.»

5-1.13 Томас Манн интересно пишет в одной из статей про душевное здоровье Толстого и Гёте, которому противопоставляет гениальность Достоевского и Ницше как болезнь, и тут же болезнь — как гениальность. Всё же я подумал, что сам Манн хотя и подсмеивается над Гёте и Толстым, но только потому, что они ему гораздо больше сродни. Он и преклоняется перед ними, и, в то же время, видит, как у них всё сделано, и сам может почти так же, а про Ницше и Достоевского он понимает скорее со стороны, не через себя, и поэтому относится к ним с более серьезным благоговением. В первом случае он ведь подсмеивается одновременно и над собой. Интересно, как он пытается осторожно слить оба начала в «Докторе Фаустусе» и «Волшебной горе» — задача грандиозная, безусловно во многом удавшаяся, и всё же в сравнении результат выглядит, как перешеек между двумя вершинами; ужасная закономерность, по которой две крайности всегда оказываются выше того, что пытается их просуммировать.

5-1.14 Трагизм фигуры Беккета. Что делать разуму, привыкшему одолевать бессмыслицу мира, пожирать ее и создавать гармонию, когда всё объяснено, уложено в энциклопедии и справочники, а счастья всё нет? Искусство начинает делать свое вечное дело, то есть ставит обществу то, что этим обществом утрачено, — бессмыслицу, абсурд.

Кто нужен на выполнение такой адской задачи? Человек, которому больно только то, что ему ничего не больно, неясно лишь одно — как создать настоящую неясность.

«В ожидании Годо». Сверкание стиля. Смысл рвется во все щели. Через библейские аксессуары. Через символику кнута и веревки. Через мучительные попытки ухватить время: что было вчера? что будет завтра? придет он или нет? Смысла даже слишком много. Это нехорошо. Это стыдно. Что за бессмыслица, если в ней полно смысла? Тогда в другой пьесе он уже сажает персонажей в кувшины. Он умоляет актеров бормотать текст так невнятно, чтобы ничего не долетало до зала. Всякая возможность человеческого общения должна быть наглядно разрушена. Мы показываем только пепелище, брошенные могилы.

Но тут и наступает самое трагикомическое. Ибо раз уж вы показываете нечто, значит вы ищете общения. И в зале сидят люди — значит оно существует. И они силятся понять вашу абракадабру. Значит их разум работает, вы даете ему пищу. Чтобы быть последовательным, надо было бы отказаться от слова, от актера на сцене, от самой сцены, от зала со зрителями, от театра с афишами на стене...

— Но, простите, как же тогда выразить всю глубину нашего понимания пустоты и бессмыслицы?

5-1.15 Прочел «Роман одного романа». Оказывается, Манн читал друзьям свежие куски чуть не каждую неделю. Должно быть, был не блестящий говорун. Иначе зачем было подменять дружеское общение литературным? Вообще же он описывает в этой книге себя и свое творение («Доктор Фаустус») с той долей почтительности и восхищения, которая очень далека от пустого тщеславия. Он как бы сознает, что каждая мелочь, связанная с этим человеком — с автором, — действительно важна и интересна, и то, что по случайному совпадению этот человек — он сам, не должно принижать значительности явления.

5-1.16 Статья Льва Толстого «Шекспир и драма» (1900 г.) по стилю мышления представляет из себя чистую самопародию, если вспомнить нападки на историков в начале 3-го тома и в эпилоге «Войны и мира». Итак, поход Наполеона на Россию — это результат волевых усилий миллионов людей? А слава Шекспира, в возникновении которой отразились душевные порывы еще большего числа людей, — это уже злые козни «лишенных эстетического чувства ученых и усердствующих немецких критиков»? Ну чем не «меморандум за № 178»!

5-1.17 Мы не любим тех поприщ, где наша несвобода, наша ограниченность становится заметной. Не потому ли Толстой не любил стихов, а Набоков и Бродский не любили Толстого?

5-1.18 Внутренний пафос «Записок из подполья» Достоевского: «Что бы вы ни говорили и ни думали обо мне, это будет ложью, потому что во мне — безграничность свободы, в ваших словах — конечность явления».

5-1.19 У Бабеля в киносценарии есть сцена: старуха дает сыну-комсомольцу крестик, а тот, не зная, куда его деть, прячет за голенище. Видимо, замечательный стилист старался не думать, что пишет, потому что в другом месте того же — явно для денег написанного — сценария есть фраза: «Милиционеры ползут с ружьями наперевес.»

5-1.20 Толстой вопрошает Господа: «Как нам жить?» Достоевский: «Всё ли нам простится?»

5-1.21 Ошеломление от Хемингуэя в советской юности может быть объяснено тем, что он первый сумел ввести в литературу невиданный доселе персонаж: *достоинство*. Все эпигоны, пытавшиеся подражать ему в очереди за звездным билетиком славы, потому и выглядят не только не похожими, но часто — на другом полюсе, что не понимают: достоинство должно быть готово даже к самому страшному — остаться незамеченным.

5-1.22 Ахматова больше всего — но с привкусом горечи — любит два состояния: трепетное ожидание встречи с возлюбленным и тонкую грусть момента расставания. Поэтому ее жалобы по поводу разлуки звучат не очень убедительно. Она не очень знает, что ей делать с любимым, когда тот рядом. («Гулять? Целоваться? Стареть?») Будто боится признаться, что ей при этом становится скучно. С другой стороны, всегда можно допустить, что поэт удерживает себя на краю настоящей страсти, настоящего отчаяния не из страха перед болью, а из страха перед дурным вкусом.

5-1.23 Из всех своих персонажей под конец жизни Гоголь выбрал для себя роль раздавленного собственными мечтами Манилова. Уже и в «Мертвых душах» этот герой описан — может быть единственный — с настоящей любовью.

5-1.24 Западные слависты горячо полюбили Андрея Белого за то, что он дал им возможность почувствовать себя, наконец, на равных с русским читателем по степени непонимания литературного текста.

5-1.25 Сноб не может быть верующим человеком и верующий не может быть снобом. Снобизм есть идолопоклонство перед шкалой — успеха, таланта, знатности и т. д. Настоящая вера в Бога, включающая в себя чувство тайны, непостижимости и недостижимости, подразумевающая бесконечность шкалы Бог-человек, делает все прочие шкалы смехотворными. Занятно, что у самого большого сноба 20-го века — Владимира Набокова — мелькает где-то (кажется, в романе «Ада» — Ван спускается по лестнице, чувствует на себе чей-то оценивающий — с очень большого верха — взгляд) представление о Боге как просто о еще большем снобе, чем он сам.

5-1.26 Поразительно, как много общих черт в мировоззрении, в жизненном пути, в характере у Толстого и Солженицына. Оба в молодости участвовали в войне, даже служили в

одном и том же роде войск — в артиллерии. Оба достигли в расцвете сил мировой литературной славы. Оба вступили в острый конфликт с властимушными в своей стране. Оба к концу жизни уединились в свои поместья и отдавали все силы гигантскому труду, задачей которого было открыть людям глаза.

Но, может быть, важнейшей совпавшей деталью в их судьбе было то, что оба они созревали в атмосфере политической несвободы, оба были окружены миллионами соотечественников, находящихся в состоянии рабства. Раб предельно несвободен, поэтому наше нравственное чувство инстинктивно избегает возлагать на него какую бы то ни было ответственность за ужасы жизни. Мы ищем причины этих ужасов где-то вовне и, как правило, возлагаем ответственность на жестоких правителей, на привилегированный слой. Отсюда вырастает — и в Толстом, и в Солженицыне — патологическая ненависть к интеллигенции. Хуже интеллигенции лишь те, кто защищает идеологию, поддерживающую существующий порядок. Для Толстого — попы, для Солженицына — проповедники коммунизма. Оба закрывают глаза на то, что и попы, и коммунисты тоже почему-то не жалуют интеллигенцию.

Итак: человек изначально добр, хорош, справедлив. Все зверства, которые мы видим — от политико-социальных обстоятельств, от коварных интеллигентных искусителей. Эта вера в них — святая-святых, абсолютная аксиома, которую они никогда не поставят под сомнение. Все свидетельства истории — ничто перед этой верой. Поэтому оба садятся переписывать историю на свой лад. Все свидетельства великих поэтов, от Шекспира до Пушкина, описавших кипение человеческих страстей и пороков, — обман. Поэтому долой Шекспира, поэтому ни один не сошлется нигде на Пушкина. Для обоих все правители, все политики — слепые повывыри слепых. Обоих ужасает Запад, где все мерзости делаются свободными людьми без всякого принуждения. Оба шлют проклятья тем деятельным противникам мирового зла — Столыпину (Толстой), Рузвельту, Черчиллю (Солженицын), — которые в своей борьбе исходили из других представлений о человеческой природе.

И здесь снова вспоминается эта, казалось бы маловажная, деталь: совпадение их военной профессии. Ведь артиллерист не видит тех, кого он убивает. Часто не видит, попал он или нет. Часто не очень заботится об этом.

Он просто ведет огонь.

Ведет огонь.

Огонь.

5-1.27 «Он мыслит: буду ей спаситель. / Не потерплю, чтоб развратитель / Огнем и вздохом, и похвал / Младое сердце искушал.» Посредственный поэт Ленский скрывает ревность за высокими фразами о спасении возлюбленной. Не так ли и посредственный поэт Владимир Соловьев ревновал Пушкина к его успеху у читателя и хотел спасти от него возлюбленный русский народ?

5-1.28 Самой пророческой книгой Достоевского оказались вовсе не «Бесы», а «Подросток». Засилье нетерпеливых, самоуверенных, крикливых подростков, полных лучших намерений и неизрасходованной спермы, — вот что губит Россию. Как гигантская засидевшаяся в девках невеста сидит Россия пригорюнившись и бормочет: «Мужей, мужей мне надобно».

5-1.29 Вся великая литература — это непременно еще и вопль о невозможном.

5-1.30 Фильм Вуди Аллена *Crimes And Misdemeanors* («Преступления и проступки») построен как апокриф «Преступления и наказания», и одновременно — как опровержение библейских обещаний о том, что добродетели воздастся, а порок будет наказан уже в этой жизни. Об одном постановщике телефильмов герой говорит: «Он хотел поставить фильм по Библии, но понял, что не может работать со сценарием, главный персонаж которого настолько неубедителен».

Вечно спорящий с русскими классиками Вуди Аллен похож на Иова, который начал тяжбу с Богом, не дожидаясь гибели близких, язв, рубища и пустыни.

5-1.31 Порой создается впечатление, что Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» писал все эти благоглупости не потому, что верил в них, а потому что надеялся довести колдовскую силу слова — которой он так мастерски владел — до заклинания, до приказа жизни и истории: «Повернись к России передом, к Европе — задом». Но пока история не слушалась, предпочитал оставаться в Европе.

5-1.32 В ненависти к искусительной силе искусства — как много общего у Толстого и Платона! Недаром же Толстой дал имя греческого философа своему любимому герою.

5-1.33 Почти все великие поэты были язвительными эпиграммистами. Или просто язвительными. Пушкин, Лермонтов,

Бродский... Но не проявляется ли в этом еще раз их подсознательное убеждение в том, что они посланы на землю тревожить наши души? «Приятно дерзкой эпиграммой...» и «Глаголом жги сердца людей» — так ли уж велика здесь разница?

5-1.34 В драме Гоголя друзья его часто играют роль страдающего и вопрошающего Иова, а сам Гоголь — роль покорного судьбе утешителя.

5-1.35 Во всём творчестве Гоголя единственным по-настоящему страшным и отвратительным персонажем является обожаемый им Тарас Бульба. Ничего ужасного или отталкивающего в героях «Мертвых душ» или «Ревизора» вовсе нет. Они не мучают, не предают, не убивают друг друга. Гоголь рвется в исправители нравов только ради того, чтобы читатель не заметил, насколько всем его героям присуща главная черта самого автора: упоенный до наивности эгоизм. Ведь это так естественно, что каждый живет, «чтобы срывать цветы удовольствия» и «тешить свой задор». Только так уж вышло, что «задором» Гоголя оказалась великая литература. И шаг за шагом задор этот довел его до гибели, как иного доводит неумеренное потребление табаку, а иного — водка, а иного — страсть к быстрой езде.

5-1.36 Дело не в том, что в 20-ом веке Пруст, Белый, Селин, Беккет и прочие смело порвали со старыми формами искусства и начали создавать что-то новое. Дело в том, что состояние одиночества и безлюбья, доставшееся им в удел, не только получило право на существование точно так же, как атеизм, гомосексуализм, феминизм, но и стало привлекать возбужденное внимание миллионов одиноких и безлюбых, которые раньше стыдились своего удела.

5-1.37 Приписываемый Лермонтову роман «Вадим» — явная подделка. Только титульный лист с рисунками и первая глава с блестками стиля и иронии — лермонтовские. Дальше идет беспомощная графомания, накатанная фальсификатором где-то к 1880 году — моменту первой публикации. Есть только одно упоминание современника об этом произведении — что девятнадцатилетний Лермонтов начинал роман из пугачевских времен, но потом оставил. Можно было бы еще поверить в подлинность, если бы весь роман был одинаково бездарен. Но так не бывает — чтобы автор написал первые три страницы блестятельно, а потом пошел строчить позорную чушь. Когда всё это подтвердится путем какого-нибудь спектрального анализа страниц

рукописи, хранящейся в Пушкинском доме, какой позор будет всему русскому литературоведению, не сумевшему распознать фальшивку.

5-1.38 Пастернак — автор тысячи и одной сказочной поэтической строчки и одного слабого киносценария.

5-1.39 Читать Пастернака — права Цветаева! — всё равно что сидеть на берегу моря. И вглядываться в зелень волн. Всегда одних и тех же. И всегда новых. И вслушиваться в шум. И мечтать. Есть масса людей, обожающих такое времяпрепровождение. Но мне — мне всегда при виде моря хотелось надеть маску, ласты и занырнуть в глубину. Увы, в Пастернака заныривать я не умею.

5-1.40 В дневниках Томаса Манна 1918 года пангерманский дух проглядывает довольно заметно. Примечательно его презрение к поборникам политической демократии, разрыв с братом Генрихом — галломаном и пацифистом. Может быть, именно отсюда его ненависть к нацизму черпала силу: он знал в себе те страсти, на которых был замешан этот дурман.

5-1.41 Люди, любящие поэзию, порой ропщут на Бога за то, что Он дал пуле Мартынова поразить Лермонтова в таком молодом возрасте. Неблагодарные! Они упускают из вида все те чеченские пули, которые пролетели мимо, и весь тот легион ангелов-хранителей, которых надо было посылать на Кавказ — отталкивать дула чеченских ружей, — чтобы хотя бы строчки «За всё, за всё Тебя благодарю я...» успели появиться на свет.

5-1.42 Булгаков изображает в «Мастере и Маргарите» Христа как очень доброго врача-чудодея, которому безумный евангелист Левий Матвей приписывает какие-то нелепые проповеди. Бог же предстаёт в виде самого, самого Главного Редактора. «Ваш роман прочитали» — многозначительно говорит Воланд.

5-2. О СОВРЕМЕННОКАХ

5-2.1 Марамзин читал сказку Льва Толстого, очень хвалил, говорил: «Ну, чем не Голявкин?!».

5-2.2 Гениальность этого поэта особенно ярко проявилась в созданных им считалках.

5-2.3 Молодой Евгений Шифферс сказал однажды круглым драматургам (заседание круглого стола), что драматургия в театре не причина театрального действия, а повод для самовыражения актера и режиссера. Он был очень эффектен при этом. Еще он сказал, что театр это суд, и вот они пересмотрели дело Антигоны.

5-2.4 Как тонко умел он унижать молодых авторов, расспросами и участием вызывая их на бесконечные рассказы о самих себе.

5-2.5 На Всесоюзном совещании литературной молодежи Лев Кассиль поучал кого-то: «Вы подражаете мне — в этом нет сомнения. Но только мне раннему, незрелому».

Его помощник, главный заправила Детгиза Пискунов, расхваливал какую-то детскую повесть — как дети помогали бороться с кулаками: «Вы посмотрите! Происходят страшные события! Льется кровь, людей убивают! Но как чисто это сделано!».

Третий втолковывал начинающему автору из Сибири: «Всё у вас хорошо, писать будете, это ясно. Ведь у вас даже пейзаж пронизан партийностью. Но только зря вы там цитируете Аристотеля. Зачем он вам? Наверняка Ленин где-нибудь писал то же самое. А если не писал, то думал».

Писатель Дьяков (наемный «антисолженицын», описавший, как честные коммунисты боролись за чистоту идеи даже в лагере), так завел себя речью, что в конце завопил: «Время Толстого кончилось! Началось время Ленина!» Как это ни грустно, литературная молодежь аплодировала.

5-2.6 Юрий Герман — консультант по гуманизму при Большом доме.

5-2.7 Аркадий Белинков — протопоп Аввакум от литературоведения.

5-2.8 Николай Акимов очень талантливо создал специальный театр интеллигентного мещанства.

5-2.9 Режиссер Петя Мостовой рассказывал всякие истории о поступлении во ВГИК (киноинститут). Например: экзаменационная комиссия, уставшая от потока абитуриентов, предлагает поступающим на режиссерское отделение тест — «удивите нас». Кто что ни делал, на всё они говорили: «Нет, ничего удивительного». Тогда один подошел к столу, сложил все необходимые для поступления документы в пепельницу и поджег. «Да, вот вы нас удивили, — сказала комиссия. — Но так как документы сгорели, принять вас не можем».

5-2.10 Режиссер Любимов скоро дойдет до того, что будет достигать полноты ощущений в зрительном зале, впрыскивая запахи, ветры и дожди, кусая зрителей током, выдерживая из-под них сиденья в момент автомобильной катастрофы на сцене. Если бы еще научиться вызывать у зрителей оргазм в третьем акте «Ромео и Джульетты», большие деньги можно заработать.

5-2.11 Перед поездкой в Югославию (1966) писательскую делегацию инструктировал чиновник ЦК КПСС, работавший под рубаху-парня. «Ребята, — крикнул он нам с порога, — что с Китаем будем делать?» Потом громко втянул сопли, метнул в нашу сторону по столу заготовленный томик Тютчева и со слезой в голосе сказал: «Какой поэт, а! А при этом еще и дипломат. Учитесь!»

5-2.12 Идея и пафос жертвенности настолько опорочили себя в наши дни, что им на смену естественно и как нечто возвышенное и редкостное пришел пафос самовывживания человека в нечеловеческих условиях, ярче всего проявившийся в «Одном дне Ивана Денисовича».

5-2.13 Бродский говорил о близком ему духе искусства. Вот то, что мы видим вокруг себя и среди чего живем, — это как частичка, ископаемая косточка от какого-то огромного целого. и по ней мы восстанавливаем это целое ничтожными долями, устремляемся наружу, во вне. Всё, в чем не содержится такого устремления — хоть немного, — чуждо ему и неинтересно. Еще он

говорил, какая это жуткая штука — самоконтроль, взгляд на себя со стороны, осознание собственных приемов и ходов, отвращение к себе за эти приемы до отчаяния, до ненависти к работе, и единственное, что может спасти здесь, это величие замысла. То есть надо ломиться через все эти стыды и страхи — с последующим подчищением, с возвратом назад, — плевать на всё, идти ва-банк, рискуя полным провалом и неудачей, очертя голову кидаться, может быть, в пустоту, может быть, в гибельную, но только так. Позже я замечал, что возвращаться назад и подчищать он не очень склонен, и что, действительно, некоторые вещи разваливаются от несоразмерности, кончаются неудачей, катастрофой, но даже эти катастрофы — великолепны в своей подлинности.

5-2.14 В образе «книга — суд» могут крыться разгадки многих противоречий. Иначе, как объяснить, что, допустим, роман Олеси «Зависть», любовно описывающий ничтожество Кавалерова, кажется нам гораздо привлекательнее и гораздо нравственнее, чем романы, допустим, ругавшего его Симонова, где всё одна только доблесть, героизм, мужество и честность, побеждающие в конце концов силы зла и предательства? Конечно же только тем, что видишь, как Симонов-свидетель подыгрывает Симонову-судье, как Симонов-прокурор играет в поддавки с Симоновым-адвокатом, как Симонов-присяжный настороженно ловит ухом распоряжения вышестоящих. Вместо волнующего процесса с неизвестным исходом получается стыдная комедия суда, в котором все приговоры известны заранее и соответствуют спущенным установкам.

5-2.15 Специалист по «Достоевскому в советской упаковке», профессор Кирпотин, рассказывал на лекции:

— Вот, товагхищи, эти западные литегхатуговеды любят тепегь говогхить, что Достоевский был злой человек, нехогоший. А гхазве это так? Взять хоть истогхию с жугхналом. Как бывший катогхжанин Достоевский не мог издавать жугхнал, и всё было записано на бгхата. А когда жугхнал лопнул и пгхишли кгхедитоги, он ведь мог гхазвести гхуками и сказать: я ничего не знаю, идите спгхашивайте деньги с бгхата. Но ведь он так не сказал, товагхищи.

Интонация при этом была сочувственная: вот ведь дурачок — не догадался.

5-2.16 Евгений Евтушенко — самый искренний литературный притворщик.

5-2.17 Ялтинские таксеры, нападавшие на Аксенова за рассказ «Товарищ красивый Фуражкин», в наши времена относятся к литературе всё с той же ревнивой подозрительностью, как и коллежские ассесоры во времена Гоголя.

5-2.18 Вермонтский волк тебе товарищ! (Американская присказка.)

5-2.19 Андрея Битова что-то вынудило написать одобрительную рецензию на сборник молодого автора. Он начал ее так: «Проза эта представляет интерес как попытка заговорить, когда разговор то ли уже закончен, то ли еще не начат...»

5-2.20 Будем справедливы: даже среди структуралистов есть очень талантливые люди. Они всю жизнь гонятся за текстовыми и образными совпадениями в разных произведениях, но эти совпадения играют для них ту же роль, что механический заяц на собачьих бегах. Что ж, если собаки бегут быстро и красиво, станем ли мы жаловаться, что заяц ненастоящий?

5-2.21 Лагерь, который всегда с тобой.

5-2.22 После работ Жолковского и Карабчиевского загадка славы Маяковского вполне прояснилась: просто один кавказский уголовник (Сталин) признал другого кавказского уголовника (Маяковского) за своего и возвел его — посмертно — в председатели всей российской поэзии. Тем более, что это было вполне в духе его пропагандной схемы: там, где есть главный хлебороб — Лысенко, главный шахтер — Стаханов, главный летчик — Чкалов, главный композитор — Дунаевский, главный садовод — Мичурин, должен же кто-то быть и главным поэтом.

5-2.23 Новые поклонники формализма не отвергают авторитеты, но просто запоминают их заповеди по-своему. Пушкинская формула «для звуков жизни не щадить» оседает у них в памяти как «для звуков смысла не щадить». А очаровательное высказывание Аверинцева «и у слов есть своя совесть» они цитируют как «совесть есть только у слов».

5-2.24 В связи с победой «гласности» и «Памяти» переименовать Союз советских писателей в Союз речистых былинников.

5-2.25 Бродский в своей Нобелевской речи сказал, что, выбирая правителей, мы должны были бы интересоваться не их политическими взглядами, а тем, какие книжки они читают. Подобный панэстетизм весьма соблазнителен. И действительно — почём знать? Может быть, всё дело в том, что Нерон плохо пел, Гитлер рисовал невыразительные акварели, а Сталин и Мао Цзедун были посредственными поэтами?

5-2.26 Литературный экспибиционизм, кажется, завоевал себе право на существование в наши дни. Но вовлекать в это дело всех родственников и знакомых — не отдаст ли это свальным грехом?

5-2.27 Бродский может подать в суд на американскую медицину: она дважды извлекла его с того света и тем разрушила нормальную биографию великого русского поэта, которому не пристало жить больше сорока четырех лет.

5-2.28 Писатель Свирский выступал перед читателями с рассказами о войне. В том числе о боевых самолетах. Из зала поднялся бывший фронтовик, который заявил, что в книге Свирского отсутствует важная деталь: штурмовики марки «Ильюшин» могли летать так низко, что часто приносили на крыльях человеческие головы, срезанные у вражеской пехоты. Всё, как нас учили: народ — неиссякаемый источник творчества.

5-2.29 Сергей Довлатов — Верный Руслан эмигрантской литературы — умеет вести только колонну собственных воспоминаний. Любой шаг в сторону — в жизнь других людей — считает побегом, кусает, гонит обратно.

5-2.30 Поэт Кушнер — жизнелюб печальный.

5-2.31 Александр Зиновьев — Ноздрев, пересказывающий по пьянке сны Веры Павловны.

5-2.32 Во всех трех романах Саши Соколова красной нитью проходит мечта о том, чтобы ничему не учившийся, ничего не делающий, ничего не умеющий полуумок стал бы вдруг каким-то чудом всех толковее, успешнее, краше. То есть на поверку все они оказываются вариантами сказки про Емелю.

5-2.33 В 1980-е годы только описания придурков, алкашей и юродивых пользовались успехом у русского читателя (Алешковский, Войнович, Довлатов, Венедикт Ерофеев, Каледин, Мамлеев, Марамзин, Саша Соколов, Толстая — это если вспоминать только талантливых.)

5-2.34 Простая сплетня, простая клевета не очень страшны — они утасуют сами собой. Но в эмиграции есть мастера, изготавливающие сплетни-самоходки, сплетни с моторчиком — юмористическим, которые катят и катят сами собой от одного смеющегося рассказчика к другому. Вот эти могут наделать много беды. И защиты от них нет.

5-2.35 В каждом одаренном человеке живет, как правило, не один персонаж, а несколько — целая компания. Иногда это может быть компания дружная, состоящая из персонажей близких друг другу, но иногда — очень смешанная. Хуже всего, когда в одну компанию с Отзывчивым, Талантливым, Честным, Чувствительным, Разумным затешется злобный и завистливый дурак, которого остальные будут терпеть, а порой даже и слушаться.

5-2.36 Сильное чувство верхом на сильной логике — что может быть страшнее? Мы скачем на своей логике туда, куда пожелаем, и видим, что никто! никто не может состязаться с нами. Да, наша логика сильнее всех, поэтому мы всегда правы. К середине жизни мы перестаем вообще интересоваться чужой правотой — мы спешим всем навязать свою. Чем меньше остается лет, тем неотложнее кажется нам это спасительное для человечества дело нашей жизни. Так появляются на свет печатные гнусности подобные «Русофобии» Шафаревича.

5-2.37 Вайль и Генис влюблены в литературу горячо и искренне, но немного по-карамазовски: «У Грушеньки, чертовки, есть в одном месте такой изгибчик — с ума можно сойти».

5-2.38 Теоретики и защитники современного авангардизма ни за что не признают свои взгляды и вкусы парадоксальными. Нет! они претендуют именно на универсальность своей позиции. То есть хотят превратить столь дорогую им эстетическую анархию в мать эстетического порядка.

5-2.39 Тонкий процесс передачи чувств от души писателя душе читателя можно уподобить радиосвязи между двумя

далекими континентами. Современные литературоведы пытаются рассматривать только качество передатчика, высоту антенн, скорость подачи сигнала и прочие «технические» детали. Когда же их спросишь, что они думают о смысле послания или о настроении радистов на обоих концах, они только презрительно пожмут плечами. Их дело — техническая часть, а всё остальное — расплывчатая обывательская болтовня.

5-2.40 Представьте себе, что вам каким-то образом удалось одновременно слушать стихи Ахматовой, смотреть выступление Райкина и беседовать об Афинах и Иерусалиме со Львом Шестовым, — тогда вы получите некоторое представление о том, что такое общение с Найманом.

5-2.41 Умер, как честный солдат армии порока, — посреди запоя, в чужой постели, по уши в долгах.

5-2.42 Как сообщают летописи, в 1970-80-е годы в Третьем Риме произошло удаление русских литературных плетеев на священную гору старославянских диалектов, где они пытались укрыться за частоколом исконно-посконных слов, так чтобы ни один чернявый пушкиновед не мог их там настигнуть-постигнуть.

5-2.43 В трудные доперестроечные времена поэт Вознесенский написал краткую биографию своего учителя Пастернака в качестве предисловия к сборнику его стихов. Про публикацию «Доктора Живаго» за границей, Нобелевскую премию и последовавшую травлю тогда еще писать было нельзя, поэтому жизнеописание кончалось фразой: «В последние годы жизни Пастернак много болел».

Понимающие люди объясняли, что Вознесенский был прав, что иначе сборник бы не вышел. Интересно, как прореагировали бы эти понимающие, если бы узнали, что Пилат вызвал к себе апостола Матфея и сказал: «Есть возможность напечатать Евангелие. Да-да, прямо сейчас. Но при одном условии: чтобы о Голгофе — ни слова. Напишите просто: "В последние дни жизни Иисус слишком много времени проводил на открытом солнце".»

5-2.44 Эдуард Лимонов — смелый портняжка, догадавшийся украсить соцреалистические портки заплатами из похабины.

5-2.45 У него были все данные, чтобы сделаться классиком русской литературы, кроме одного — необходимейшего — условия: горькой судьбинуски.

5-2.46 «Бывший околелитературный трутень не хочет обращать на меня внимания? Так я же возьму и таким развоняюсь околелитературным скунсом, что он уж не сможет не заметить!»

5-2.47 Для всякого нормального человека мучителен переход от простора деревенской жизни к тесноте и вонючим большим городам. В Европе люди привыкали к этому долго, от поколения к поколению. На русских переброс из деревни в города обрушился на стыке 19-20 веков внезапно, как удар. Десятки миллионов душ были изуродованы этим броском. Ещё и в 1950-е я видел тягостное преображение своих однокурсников — чудесных деревенских ребят, — которые через два-три года городской жизни превращались в окрысившихся неврастеников. Точно такое же превращение произошло с писателями-деревенщиками — даже самых талантливых одолела волна оглупляющей злобы. Не исключено, что невероятная успешность евреев в 1920-30-е годы связана с тем, что у них была долгая «тренировка», приучившая их к живучести в тесноте: давка и скученность местечек, в которую они были загнаны на сто лет раньше.

5-3. О СЕБЕ

5-3.1 У Томаса Манна в «Докторе Фаустусе» есть одно место, которое до сих пор заставляет меня краснеть до слез. Там говорят об одном композиторе: «Ну и способная бестия! Революционер-счастливчик — и смел, и покладист. Вот где отлично спелись новаторство и уверенность в успехе. Сначала афронты и диссонансы, а потом эдакий плавненький поворот, задабривающий мещанина и дающий понять, что ничего худого не замышлялось. Но ловко, ловко...»

5-3.2 Когда пишешь, нужно не к тому стремиться, чтобы рассказать о чем-то, что знаешь, а к тому, чтобы самому в процессе писания понять предмет вплоть до возможности высказать своё понимание словами. Иначе стыдно бывает перечитать написанное.

5-3.3 Годам к тридцати мне опротивела игра на наивности в литературе — сразу и вдруг.

5-3.4 Сколько прекрасных минут, сколько счастливых возможностей отняла у меня проклятая страсть к ясности.

5-3.5 Смутные детские фантазии о собственной бессмертности, которую от тебя окружающие ловко скрывают, боятся, как бы ты не узнал. Я пытался описать их по памяти, вставить в «Таврический сад», но Марамзин напомнил мне, что Битов уже описал точно то же самое в повести «Сад». Интересно, сколько народу играло в эту игру?

5-3.6 Насмешница-судьба дала ему огромную власть над умами, но не дала умов, над которыми стоило бы властвовать.

5-3.7 Теодицея — ветвь теологии, занимающаяся «оправданием Бога». Мне пришлось кустарничать и в этой сфере, когда моя десятилетняя дочь спросила:

— Если Бог есть, почему же он допускает столько страданий и зла на Земле?

Я: Но, может быть, у Него другие, не наши понятия о том, что есть благо и что — зло. Может быть, Ему не кажется, что цель человека на земле — это подольше жить, побольше есть, пить

и веселиться. Может, для Него важнее рост духовного начала, пусть даже ценой страданий?

ДОЧЬ: (задумчиво) Да? Ну, со мной Он повозится.

5-3.8 Думали ли мы, что попадем когда-нибудь в общество, где самое опасное дело — высказать симпатию к собственному президенту?

5-3.9 — Позвонил редактор и похвалил мою книгу, — сказал я жене.

— Сколько их уже было, этих редакторов, — вздохнула жена, — а книга всё не вышла.

— Знаешь, — сказал я, — откати-ка ты свою бочку дегтя от моей ложки меда.

5-3.10 Не думай вперед. Думай вверх.

5-3.11 Пока есть силы, надо мне постараться написать побольше книг, чтобы было что читать в старости.

5-3.12 Когда приезжающие русские друзья спрашивают меня, осталось ли в России что-то, чего не найти на процветающем Западе, я отвечаю, что осталось: бескрайний лес, в котором можно гулять и молиться; язык, позволяющий голосом передать все буквы в имени; дети, которые обращаются со взрослыми как с людьми; женщины, умеющие ответить взглядом на взгляд.

5-3.13 Вдруг мелькнул обжигающий страх: «А не готовит ли меня Господь своими щедрыми дарами на роль нового Иова?» Как показать Ему, что я не готов, не гоюсь, не выдержу?

5-3.14 Лет двадцать тому назад мне попало стихотворение Кавафиса (в переводе С. Ильинской), про которое я подумал: «Были бы в моде эпитафии, я хотел бы заслужить вот эту». Хочу и до сих пор.

ФЕРМОПИЛЫ

Честь вечная и память тем, кто в жизни
воздвиг и охраняет Фермопилы,
кто, долга никогда не забывая,
во всех своих поступках справедлив,
однако милосердию не чужд,

кто щедр в богатстве,
но и в бедности посильно щедр
и руку помощи всегда протянет,
кто, ненавидя ложь, лишь правду говорит,
но на солгавших зла в душе не держит.

Тем большая им честь, когда предвидят
(а многие предвидят), что в конце
появится коварный Эфиальт
и что мидяне все-таки прорвутся.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин, святой — 20, 63
Аверинцев Сергей — 20, 105
Авторханов Абдурахман — 67
Акимов Николай — 103
Аксенов Василий — 105
Александр Македонский — 47, 68
Алешковский Юз — 107
Аллен Вуди — 99
Альбиниони Томазо — 50
Аристотель — 103
Ахматова Анна — 97, 108
- Бабель Исаак — 96
Бальзак Оноре — 93
Бартон Ричард — 47
Бах Иоганн Себастьян — 50
Беккет Сэмюэл — 95, 100
Белинков Аркадий — 103
Белинский Виссарион — 68, 94
Белуши Джон — 47
Белый Андрей — 97, 100
Бергсон Анри — 18, 19
Бердяев Николай — 14, 17
Битов Андрей — 105, 110
Бишоп Морис — 68
Блок Александр — 25, 85, 89
Бродский Иосиф — 48, 96, 100, 103, 106
Бронте Шарлотта — 36
Брэдбери Рэй — 89
Будда — 14, 86
Булгаков Михаил — 101
- Вайль Петр — 107
Валленберг Рауль — 85
Ван Гог Винсент — 85, 89
Веласкес Диего — 85
Вертлиб Евгений — 37
Вивальди Антонио — 50
Вознесенский Андрей — 79, 108
- Войнович Владимир — 107
Высоцкий Владимир — 47
- Галилей Галилео — 89
Галль Франц Йозеф — 16
Гарбо Грета — 47
Гарланд Джуди — 47
Гebbельс Йозеф — 77
Гегель Фридрих — 17, 18, 19
Гейне Генрих — 89
Генис Александр — 107
Герман Юрий — 102
Гёте Иоганн Вольфганг — 14, 82, 89, 95
Гинес Алек — 47
Гитлер Адольф — 32, 47, 68, 75, 89, 106
Гоголь Николай — 88, 94, 97, 99
Годунов Борис — 67
Голявкин Виктор — 102
Гомер — 38
Горбачев М. С. — 80, 81
Горький Алексей — 93
Гус Ян — 89
- Данте — 38
Дарвин Чарльз — 18
Добролюбов Николай — 68
Довлатов Сергей — 7, 106
Достоевский Федор — 64, 69, 71, 82, 89, 93, 95, 96, 99, 104
Дунаевский — 105
Дурбин Дина — 46
Дьяков Б. А. — 102
Дымшиц А. Л. — 79
- Евтушенко Евгений — 104
Екатерина Вторая — 47
Ерофеев Венедикт — 107
Есенин Сергей — 25

Жолковский Александр — 105

Зиновьев Александр — 106

Зонтаг Сьюзен — 89

Зоценко Михаил — 95

Иван Грозный — 67, 89

Ильинская С. — 111

Ильф Илья — 7

Иов — 99, 100, 111

Кавафис Константин — 111

Каддафи Муамар — 85

Каледин Сергей — 107

Кант Иммануил — 11, 14, 17,
20, 26, 84

Карабчиевский Юрий — 105

Карл Первый Стюарт — 47

Кассиль Лев — 102

Кастро Фидель — 67

Кафа Франц — 31, 52, 59, 89

Керенский Александр — 72

Кирпотин В. Я. — 104

Колчак А. В. — 71

Коперник Николай — 89

Корнилов Л. Г. — 72

Костер Шарль де — 31

Крейн Стивен — 59

Кристина, шведская королева —
47

Куприн Александр — 31

Кушнер Александр — 106

Кьеркегор Сёрен — 20, 89

Лафатер Иоганн Каспар — 16

Лебрен Шарль — 19

Леже Фернан — 93

Ленин В. И. — 75, 78, 102

Лермонтов Михаил — 45, 89, 99,
100, 101

Лимонов Эдуард — 109

Лотман Юрий — 19

Любимов Юрий — 103

Лютер Мартин — 68

Лысенко Т. Д. — 105

Магомет — 37

Макдональд Джанетта — 46

Мак-Ленан Джон — 34

Мамлеев Юрий — 107

Мани Генрих — 101

Мани Томас — 89, 95, 96, 101,
110

Мандельштам Осип — 79

Мао Цзе-дун — 89, 106

Марамзин Владимир — 102, 107,
110

Марк Аврелий — 47

Маркос Фердинанд — 68

Маркс Карл — 18, 71

Мартынов Н. С. — 45, 101

Матфей, евангелист — 37, 77,
108

Маяковский Владимир — 25, 105

Мережковский Дмитрий — 68

Михайлов Михайло — 7, 68

Мичурин И. В. — 105

Мнишек Марина — 34

Модильяни Амедео — 89

Моисей — 68

Монро Мэрлин — 47

Морган Генри — 34

Мостовой Петр — 103

Моцарт Вольфганг Амадей — 45,
50

Муссолини Бенито — 89

Набоков Владимир — 96, 97

Найман Анатолий — 108

Наполеон — 68

Насер Гамаль Абдель — 67

Нельсон Эдуард — 46

Нерон — 106

Николай Второй — 71

Ницше Фридрих — 14, 18, 71, 95

Олеша Юрий — 31, 94, 104

Орвелл Джордж — 19, 77

Пастернак Борис — 25, 49, 79,
101, 108
Пелагий — 63
Пискунов (дир. Детгиза) — 102
Платон — 27, 99
Платонов Андрей — 31, 93, 94
Полевой Н. А. — 95
Пресли Элвис — 47, 85
Пруст Марсель — 100
Пушкин Александр — 34, 37, 45,
67, 77, 88, 89, 98, 99

Райкин Аркадий — 108
Риббентроп Иоахим — 77
Розанов Василий — 7, 14
Рузвельт Франклин — 81

Сад, маркиз де — 86
Сальери Антонио — 45
Сарандон Сьюзен — 79
Сартр Жан Поль — 18
Сахаров Андрей — 65
Свирский Григорий — 106
Сезанн Поль — 94
Селин Луи — 100
Сен-Симон Луи де Ровруа — 67
Симонов — 104
Синявский Андрей — 7, 37
Скотт Роберт — 25
Соколов Саша — 107
Сократ — 19, 68
Солженицын Александр — 97,
98, 103

Соловьев Владимир — 99
Сологуб Федор — 93
Сомоса Анастасио — 68
Спенсер Герберт — 34
Спиноза Барух — 89
Сталин И. В. — 32, 67, 68, 85,
89, 105, 106
Станиславский К. С. — 19
Стаханов А. Г. — 105

Тамерлан — 68

Тейяр де Шарден Пьер — 16, 87,
88
Телеман Филипп — 50
Тиллих Поль — 20
Толстая С. А. — 35
Толстая Татьяна — 107
Толстой Лев — 35, 37, 38, 54,
64, 68, 83, 84, 88, 89, 93,
94, 95, 96, 97, 98, 99, 102
Томас Кентерберийский — 47
Троцкий Лев — 47

Фадеев Александр — 31
Фальк Роберт — 94
Федоров Николай — 17
Фихте Иоганн — 14, 17
Флинн Эрол — 46
Фолкнер Уильям — 94
Фома Аквинский — 20
Форман Милош — 45
Фрейд Зигмунд — 16, 19

Хари Мата — 47
Хемингуэй Эрнест — 97
Христос — 54, 55, 60, 68, 77,
84, 86, 101
Хрущев Н. С. — 89
Хуссейн Саддам — 85

Цветаева Марина — 25, 101
Цезарь Юлий — 61

Чернышевский Николай — 68
Черчилль Уинстон — 98
Чехов Антон — 89
Чингис-хан — 68
Чкалов Валерий — 105

Шафаревич Игорь — 107
Шекспир — 38, 96, 98
Шестов Лев — 14, 19, 20, 108
Шиллер Фридрих — 89
Шифферс Евгений — 102

Шовен Р. — 59
Шопенгауэр Артур — 13, 14, 15,
17, 20, 26, 89
Шпенглер Освальд — 14, 18, 20

Эйзенштейн Сергей — 31
Эймер Густав — 18

Эйнштейн Альберт — 17, 31, 61
Энгельс Фридрих — 61
Эфиальт — 19

Юнг Карл — 20

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	5
--------------------	---

Рой первый. МИРОПОСТИЖЕНИЕ

1-1. Чистый разум	11
1-2. Воля и представление	13
1-3. Философские блуждания	16

Рой второй. ЦАРСТВО Я-МОГУ

2-1. Страдание и радость как знаки сужения или расширения нашей свободы	23
2-2. Основные постулаты	26

Рой третий. О СТРАСТЯХ ДУШИ

3-1. Вражда	31
3-2. Любовь	34
3-3. Слава и власть	37
3-4. Гордость и стыд	39
3-5. Быть и казаться	41
3-6. Пить и смеяться	44
3-7. Хлеба и зрелищ	46
3-8. Красота	48
3-9. Долг	51
3-10. Вера	54

Рой четвертый. О СТРАСТЯХ ИСТОРИИ

4-1. Война	59
4-2. Дикость и цивилизация	61
4-3. Стабильность и брожение умов	64
4-4. Политические системы и страсти	67
4-5. Бунтари и охранители	71
4-6. Свобода и равенство	73
4-7. Выбор между веденьем и неведеньем	76
4-8. Бедность и процветание	78
4-9. Мораль и нравы	82
4-10. Культура и невежество	87

Рой пятый. ПЕРЕХОДЯ НА ЛИЧНОСТИ

5-1. О классиках	93
5-2. О современниках	102
5-3. О себе	110

Указатель имен	113
----------------	-----

**В 1990-91 ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В НАШЕМ
ИЗДАТЕЛЬСТВЕ:**

Аверинцев Сергей. «Религия и литература»	7.00
Аксенов В. «Аристофаниана с лягушками». (Пьесы.)	10.00
Вайль П., Генис А. «Родная речь»	12.00
Визель Эли. «Завет» (Роман, 280 с.)	12.50
Горенштейн Ф. «Искушение» (Роман, 160 с.)	8.50
Губерман И. «Прогулки вокруг барака» (200 с.)	10.00
Довлатов Сергей. «Чемодан»	7.50
Езерская Белла. «Мастера» (Кн. 1 и 2)	8 и 10
Елагин Иван. «Тяжелые звезды» (Стихи)	12.00
Елагин Юрий. «Укрощение искусств» (Мемуары)	16.00
Ефимов Игорь. «Архивы Страшного суда» (Роман)	8.50
Ефимов И. «Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрушев»	13.50
Ефимов И. «Седьмая жена» (Роман)	14.00
Зернова Руфь. «Женские рассказы» (160 с.)	7.50
Иванов Георгий. «Третий Рим» (Изб. проза)	14.00
Кенжеев Б. «Осень в Америке» (Стихи, 128 с.)	8.00
Лосев Лев. «Чудесный десант» (Стихи)	9.00
Лосев Лев. «Тайный советник» (Стихи)	8.00
Лосская Вероника. «Цветаева в жизни»	15.00
Муравина Нина. «Встречи с Пастернаком»	15.00
Найман Анатолий. Стихотворения	8.00
Полторацкий Н. П. «И. А. Ильин»	17.00
Поповский М. «Дело академика Вавилова»	10.00
«Поэтика Бродского». (Статьи, ред. Л. Лосев)	12.00
Озерная Н. «Разговорник для новых американцев»	9.00
Ратушинская И. «Сказка о трех головах»	7.50
Ратушинская Ирина. «Стихи»	8.50
Рачко Марина. «Через не могу» (Повесть)	6.50
Свировский Г. «Прощание с Россией» (Повесть)	8.50
Суслов И. «Рассказы о тов. Сталине»	7.50
Телесин Ю. «1001 сов. полит. анекдот»	10.00
Троцкий Лев. «Дневники и письма»	14.00
Шварц Анатолий. «Жизнь и смерть М. Булгакова»	12.00
Шляпентох В. «Открывая Америку»	9.00
Штерн Людмила. «Под знаком четырех»	8.50
Эткинд Ефим. «Стихи и люди» (160 с.)	9.00

Заказы и чеки отправлять по адресу:

Hermitage, P. O. Box 410, Tenaflly, N. J. 07670, U.S.A.

К стоимости заказа добавьте 2.00 дол. на пересылку
(независимо от числа заказываемых книг). При покупке
3-х и более книг — скидка 20%.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ:

Насмешница судьба дала ему огромную власть над умами, но не дала умов, над которыми бы стоило властвовать.

Отнятие у народа свободы есть дарование ему мгновенной и поголовной невиноватости, а потому должно приветствоваться двадцатью артиллерийскими залпами.

Страстный рыболов интересуется, клюёт ли рыба в Стиксе.

Правду убить нельзя. Нужно сделать её силой, и тогда она умрет сама собой.

Обидчивость как национальное бедствие.

«Как велик океан! — воскликнул чайник. — Он наполнил меня до краёв.»

Москва — это то место, где река Лета вытекает из-под земли и широко разливается по поверхности.

Советский вариант восклицания Фауста:
— Остановись мгновенье! Стрелять буду.

Лучшая эротическая сцена, написанная когда-либо мужем Софьи Андреевны, — отсечение собственного пальца отцом Сергием.

Швецию даже социализм не губит, а Бразилию даже капитализм не спасает. Видимо, есть на свете что-то поважнее экономики.

Запутавшийся в добре и зле народ сказал «нет худа без добра» и успокоился.